
© Copyright Маруся Климова 1999 г.

Издание изд-во "Митин Журнал":СПб, 1999

МАРУСЯ КЛИМОВА

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

МАРТЫШКА

Когда я ходил на "Красножопске", дневальной у нас была Танька Сулова – ее все звали "Мартышкой". Она была очень похожа на мартышку, вылитая: рожа плоская, нос задран так, что одни ноздри видны, и рот от уха до уха. Но она давала просто всем, никому отказа не было, и поэтому ее все даже по-своему любили, радовались, что у нас такая дневальная. Конечно, надо сказать, что дневальная она была никудышняя. У нее везде была такая грязь жуткая, столы она не убирала, палубу не мыла – за нее это делал вахтенный матрос, капитан ему приказывал, потому что воображал, что Мартышка спит только с ним. А вахтенному это не так уж нравилось, но, с другой стороны, в этом были и свои положительные стороны, потому что вахтенный был такой же мужик, как и все остальные, и свою порцию получал тоже.

Мне эта Мартышка была, конечно, не нужна. Я вообще боялся, что она может меня наградить чем-то вроде сифака, да и не очень было приятно видеть, как в кают-компании сидит человек пять мужиков, и среди них в табачном дыму пьяная Мартышка хихикает, а зубы у нее изо рта торчат в разные стороны — это в довершение картины. К тому же, я не хотел, чтобы меня потом списали, обвинив в том, что у меня низкий моральный облик, у нас же такие подонки вокруг, просто ужас, так и глядят, как бы тебя сожрать.

Помню, однажды пришли мы в родной порт, на разгрузке людей не хватает, а я в кают-компании наблюдаю все ту же картину: Мартышка и человек шесть из команды. И они там смотрят такую ужасную порнуху по видеку, как пять мужиков и среди них негр одну девку пердолят, и так показано, как член изнутри во влагалище входит и выходит. Не знаю, как они это сняли, но картина впечатляющая, я даже сам загляделся на этот процесс. А тут в каюту заходит тальманщица, и стала мне чего-то там говорить, а этим деятелям хоть бы хны — ржут, как кони. Мне просто неудобно стало, смотрю на Мартышку, а ей это абсолютно до фени.

Сперва, еще до "Красножопска", я про эту Мартышку не знал, и, услышав однажды, как пьяный чудачок рассказывает: "Я Мартышке трусы на голову натяну и оприходую ее, и мне

все равно...", – даже подумал, что он говорит про настоящую обезьяну, ведь они тогда из Африки пришли, но потом, когда сам с ней столкнулся, то все понял.

И, что самое удивительное, один раз эта Мартышка вышла в рейс беременная, буквально на сносях. Я не знаю, кто ее выпускал в рейс, обычно баб в таком состоянии в рейс не пускают. Она, похоже, должна была родить со дня на день, а она вместо этого вышла в рейс. И главное, ничего в ее поведении не изменилось: она так же напивалась и сношалась со всеми желающими. Ей ничуть не мешало ее положение, а матросам тоже было все равно, кого иметь, их-то уж меньше всего заботила судьба ее ожидаемого чада. Палубы она уже вообще перестала мыть, днем валялась у себя в каюте, а вечером пила с командой. Похоже, что ее работа в том и заключалась – обслуживать команду именно в этом плане. Ну и, конечно, однажды утром, когда мы были в открытом море, она не смогла встать и почувствовала сильные боли в низу живота. Доктор осмотрел ее и сказал, что у нее начинаются роды. Нам ничего не оставалось делать, как послать запрос в ближайший порт и отправить ее туда. Не устраивать же на судне филиал родильного дома. Хорошо хоть она не успела разродиться, и мне вместе с докторишкой не пришлось изображать из себя акушера и санитарку и утирать ей пот со лба, а потом возиться с ее ублюдком. Думаю, что она все же родила, но в более подходящих для этого процесса условиях. А государство должно было платить за безответственное поведение Мартышки и тех, кто выпустил ее в рейс, в валюте. С тех пор я про Мартышку ничего не слышал.

ЧУДАЧОК

Этот случилось, когда я ходил четвертым. Мы шли тогда в Атлантику, рейс долгий и нудный. И у нас в команде один чудачок, матросик, стал вести себя как-то странно. Он ходил и все сам с собой разговаривал, причем он был трезвый, никто, чтобы он пил, не видел. Ходил он по судну, ходил и себя по башке ключами постукивал, это, кажется, были ключи от его личной квартиры. Мы стали к нему присматриваться и видим: дело тухлое, что-то с ним не то. Кроме того, он и по ночам так же гулял, никто не видел, чтобы он спал. Он все свои обязанности забросил, только ходил и что-то бормотал. Я попросил докторишку, чтобы тот за ним понаблюдал. Тот к нему присмотрелся и говорит: "Кажется, у него психическое расстройство. Его нужно срочно отправлять на берег. А пока постарайтесь его отловить и запереть в каюте, чтобы он чего не наделал".

Никто особенно не хотел с ним связываться, ну там, скручивать его или еще там что, он же и так был здоровый, а сумасшедшие, говорят, вообще обладают дикой силой, он запросто мог кого-нибудь задушить. Ну, я подготовил одну каюту, задраил там иллюминатор наглухо, чтобы он не смог его открыть, все опасные предметы оттуда убрал и решил его в эту каюту завести. Плохо еще было то, что он не сразу на голос реагировал. Зовешь его: "Коля! Коля!", – никакой реакции. Так раз десять надо было его позвать, чтобы он услышал, причем кричать громко я боялся, чтобы его не возбуждать, он и так вздрагивал от каждого шороха, а вот моего голоса, когда я его звал, не слышал. Странный чудачок.

Вообще, у моряков часто крыша едет, у ж очень работа тяжелая. За границей, например, вообще считают, что, если ты проплавал пятнадцать лет, то ты психически ненормален, и тебя нужно лечить. Этот-то чудачок плавал всего только восемь лет, но видно, для него и это оказалось не по силам.

Ну, все же мне удалось заманить его в ту каюту, уж не помню, под каким предлогом, но он туда зашел. А как только он там оказался, я сам вышел, а дверь за собой закрыл и у двери поставил матросика, чтобы тот его охранял. Не помню, почему, но дверь у той каюты не запиралась, ключа, что ли, не было, или замок был сломан, но только морячок должен был там стоять и ни на секунду не отлучаться. И я пошел стоять ходовую вахту. Отстоял, и перед тем, как лечь спать, надо, думаю, проведать моего психа. Прихожу и вижу такую картину: дверь в каюту нараспашку, никого ни в каюте, ни у каюты не наблюдается. Я сперва испугался и думаю: "А вдруг он моего матросика задушил, а труп под койку запихал?" Но тут, смотрю, идет мой матросик, довольный такой. Увидел меня и открытую дверь каюты и расстроился. А я ему говорю: "Где же вы это, товарищ вахтенный, прохлаждаетесь и почему оставили доверенный вам объект?" А он отвечает, что видел в замочную скважину, как тот прикорнул на койке, и думал, что он заснул, и решил пойти чайку попить. Ну а тот, видно, сразу же убежал, потому что матросик, по его словам, отсутствовал не дольше пятнадцати минут.

Я, конечно, отправился искать беглеца. Там смотрю, там — нигде нет, поднялся на палубу, смотрю, а он гуляет по надстройке. Я ему: "Коля! Коля! Иди сюда!" А он стоит в свете луны, волосы взъерошены, руку поднял, что-то крикнул и сиганул за борт в кильватерную струю. Ну, все! Я дал сигнал мастеру, пароход остановили. Мы осуществили разворот по

методу капитана Тимченко, пока то да се, искали его два часа, мастер ужасно матерился - ведь все на него, ему же отвечать — но никого не нашли. Видно, он сразу на дно камнем пошел. Помню, мы долго составляли отчет об этом происшествии, и капитану как-то удалось отмазаться. Ну, а тот, к счастью, был не женат, так что даже пенсию вдове пароходству выплачивать не пришлось.

ОХРАНА

У нас раньше любили всякие идиотские песенки про пиратов, вроде: "В флибустьерском дальнем синем море..." и так далее. Романтика голубых трасс, так сказать. А меня это так достало, что не скажешь. Болтаешься неделями в открытом море, и одна вода кругом. И что самое неприятное — все время одни и те же рожи, и в кубрике, и на палубе, и на камбузе, и везде, никуда не денешься. И все они друг за другом секут, смекают, как бы друг друга получше сожрать. Вот тебе и романтика.

А пираты, действительно, есть, даже и сейчас, особенно в последнее время их много развелось, только они не как раньше, с разными там арбалетами, а вооружены очень хорошо: у них тебе и пистолеты, и автоматы, нападают на суда, грабят их подчистую, и все. Особенно в южных морях это часто происходило, поэтому у нас решили создать такую службу, как охрана от пиратов. То есть команда чудачков, они должны быть натренированы особым образом, вооружены, и если пираты нападут, то они бросаются вперед — и все, пиратов скрутили и уложили на палубу. Это наш капитан захотел взять с собой в рейс, когда мы шли на Кубу, эту охрану. Капитан у нас все решает сам, раньше он еще хоть с замоплитом должен был советоваться, а теперь вообще как царек стал: что скажет, то и будет. Да это на любом судне так. Капитан же по закону наделен всеми полномочиями, и консульскими, и юридическими. То есть, если на судне что случится, то он вправе судить виноватых сам, прямо в рейсе. Ну и решил он взять эту охрану. А эту охрану по договору надо было кормить, поить, и еще оплачивать их деятельность.

Ну вот, вышли мы в море. А у этой охраны был свой старший начальник, который должен был следить за их поведением, и чтобы все было в порядке. Ну, меня эта охрана с самого начала раздражала. Когда мы еще грузились — а я тогда был третьим и отвечал за груз — они все время у меня под ногами путались и мешали. Я хотел одному сказать, чтобы он отвалил, так он меня таким трехэтажным послал, что у меня вообще всякое настроение пропало призывать его к порядку. К тому же он такой здоровый сильный культурист, и рожа у него очень злая. Но это еще ничего. А как только мы вышли в море, они начали жрать! Конечно, они жрали с нами в кают-компании, но еще в перерывах между приемами пищи периодически наведывались на камбуз, а кока они вообще до смерти запугали и буфетчицу постоянно терроризировали. А потом оказалось, что у них с собой есть солидный запас спиртного, но и на судне тоже обычно спиртное берут в рейс, мало ли что там случится, и еще каждый морячок запасает. Некоторые из нашей команды как выходят в море, так вообще не просыхают, так и заливают за ворот до самого возвращения в родной порт. И они быстро нашли общий язык с нашими алкашами и начали квасить без передыху. Я даже не помню, был ли хоть один трезвый — кажется, только я и наш капитан Струнец. Его мы звали Дуралей Иванович, у него была такая отвисшая нижняя губа и короткие ноги. А ведь пароход надо было вести, чтобы он не сел на мелягу и не столкнулся с другими. Но капитан ничего сделать не мог. Он, конечно, на них орал и угрожал, что напишет на них докладную, но они ничего уже не соображали.

Короче, это безобразие продолжалось долго, а потом, помню, стоит наш Дуралей Иванныч, весь красный, и орет на ихнего начальника: "Ваши люди пьяные! Они наблевали на моих людей!" А тот ему в ответ орет: "Это ваши люди спаивают моих! Вы за такое поведение лишитесь капитанских нашивок!" А я спустился вниз по трапу в кубрик — вижу, ну и картина: лежат в блевотине те духи и наши чудачки, даже те, кто на вахте должен быть в это время. Уж не помню, как в тот рейс мне удалось все это выдержать, потому что вахты стоял, по-моему, только я один. А все остальные лежали пьяные.

Когда мы вернулись в Питер, оказалось, что нам эта охрана обошлась дороже, чем если бы на нас пираты напали: столько они сожрали и выпили, и такие они были утомительные. Больше мы охрану к себе на судно не брали.

ХОЗЯИН

Лично я к черномазым нейтрально отношусь, мне они по барабану. Меня гораздо больше разные кавказцы и чурки достали. А теперь так вообще, я по свету помотался, всякого посмотрелся, кого только не видел: и черных, и красножопых, и желто-коричневых, и зеленых в крапинку... Правильно в фильме сказали: "Нам все равно, у нас все равны". Вот у них за границей это далеко не так. Правда, и у нас иногда отклонения бывают, случаи расовой дискриминации, так сказать.

Вот со мной на курсе учился самый настоящий негр. Он приехал к нам из Африки, не помню точно, из какого государства, но мы тогда дружили с неграми и бесплатно их обучали. Может, у него там в Африке папаша был какой-нибудь царек, такое бывало, говорят, а здесь у нас его поселили в общежитие, и он, к тому же, по-русски не знал вообще ни фига. О чем они там думали, когда брали его в систему, я не знаю, а только он на занятиях сидел, как деревянный, и все время улыбался своей белозубой улыбкой. А у нас один боец, Витя Синекуров, решил взять над ним шефство. Он видит, что тот ничего не понимает, ни во что не врубается, и решил ему помочь. Для начала он к нему подвалил и спросил, как его зовут, сперва по-русски, потом по-английски, но, по-моему, в английском сам Витя был не очень силен, и пришлось ему просто тыкать негру в грудь рукой, а потом делать вопросительные жесты. Наконец негр сказал, как его зовут — я уж не помню, Джон там какой-то или Мгонгу, или еще фиг знает как — а наш боец ткнул себя пальцем в грудь и отчетливо сказал: "Хозяин". А потом еще повторил по слогам, чтобы негр лучше запомнил: "Хо-зя-ин".

Негр оказался сообразительный и отзывчивый на человеческое отношение и запомнил это слово довольно быстро. И так они стали дружить. У нас все бойцы сперва ржали, когда слышали, что негр так радостно подходит и с иностранным акцентом зовет: "Хозяин". А боец его по плечу похлопывает и говорит: "Сейчас, сейчас, макака черножопая, почисти-ка мне пока ботинки". Но Витя потом им сказал, чтобы они не ржали так явно, а то негр догадается и почувствует, что что-то здесь не то.

А негр постепенно учился по-русски, он уже знал все матерные слова, знал, что Хозяин — это русское имя, так зовут его друга, и еще, кажется, думал, что макака — это что-то вроде слова "дружище". Потом как-то так получилось, что Витю поселили с негром в одной комнате в общежитии, потому что Витя тоже был откуда-то из глубинки. И тут уж Витя развернулся.

Начнем с того, что негр перестал ходить на занятия, и мне поручили узнать, в чем тут дело, потому что я тогда был комсоргом. Оказывается, Витек давал ему задание: убрать каюту, погладить ему форму или постирать носки, к примеру. Мы, конечно, Вите на это указали, и негритос все-таки стал появляться на занятиях, но часто он был какой-то сонный, прямо так и падал. А к ним в каюту тем временем подсадили еще одного чудачка, деревенского. Тот чудачок вообще был какой-то неразвитый и считал, что негры — это не люди, а ведьмаки. И они с Витей вообще переселили того негра на палубу. Он спал под Витиной койкой на какой-то подстилке, а его койку бойцы переоборудовали под сексодром: они водили к себе в комнату девок и там с ними сношались. А один раз Витя вообще этого негра использовал по его прямому назначению, то есть оприходовал его в кормовой отсек. Это мне тот деревенский чудачок рассказывал, потому что у него это вызвало ужас. Он считал, что Витя после этого заболит и боялся жить с ними в одной каюте.

Вот так все и шло помаленьку. Негр бегал для Вити в магазин, чистил ему обувь, и вообще Витя хорошо устроился. А иногда этот негр встречал его после занятий у дверей и держал его шинель, и вид у него был какой-то задроченный, рожа какая-то фиолетовая, губы синие, белки глаз красные, просто жуткая обезьяна. Мне кажется, он здесь плохо питался, к тому же ему явно не хватало витаминов после родной Африки. И вот он стоит и бормочет: "Хозяин, хозяин!" А увидит Витьку, и так обрадуется, просто как жена мужу.

Но хотя это и продолжалось долго, однажды у нас шли экзамены, и Витек пришел зачем-то со своим ниггером — ниггер-то тоже числился в списках, и ему вроде бы как полагалось тоже экзамены сдавать. И вот, стоим мы все в коридоре, и ниггер с нами, рядом с Витьком, и тут мимо идет наш Дуралей Иваныч, он преподавал у нас основы судовождения; он был татарин, звали его Абдулей, что ли, уж не помню, а Дуралей Иваныч — это прозвище у него такое было. И Витьку что-то понадобилось у него спросить, и он пошел за ним. И тут

вдруг этот ниггер как заорет: "Хозяин! Хозяин!", – и прямо к нему канает. Боец стоит весь красный, а Дуралей Иваныч его спрашивает: "Это что такое? Что это значит?"

Ну и понеслось. Витек, конечно, этому ниггеру потом прописал, отделал его, чтобы тот знал, что нечего лезть, когда белые люди разговаривают, но долго ему не дали глумиться над негром. Ведь из-за этого у нас могли начаться осложнения с этой африканской страной, а на фи́га нам это надо из-за какого-то чудачка. Витька, естественно, отчислили, еще пусть скажет спасибо, что не написали, что по идеологическим причинам, а просто "за развратные действия". А ниггера стали учить и перевели в общагу, где живут подобные ему черномазые, его, так сказать, собратья.

ЦИНИЗМ

Когда я еще учился в системе, у нас на курсе был нацмен один, грузин, по фамилии Челидзе. Он учился неплохо, и поэтому часто ходил в город, его всегда отпускали. А жил он в общежитии, потому что был не ленинградец, а приехал из знойного города Тбилиси. Но в общежитии он ночевал не часто, потому что у него в городе была баба, с которой он познакомился где-то, не то в магазине, не то в троллейбусе. Почти у всех наших бойцов были бабы, к которым они ходили ночевать – в первую очередь это относилось, естественно, к иногородним. Некоторые сразу искали себе баб с таким прицелом, чтобы потом получить прописку и работу в Ленинграде и не возвращаться к себе в глубинку.

И этот чудачок, Челидзе, тоже, наверное, на это рассчитывал, но точно я не знаю. Только мне известно, что он удовлетворял с этой бабой свои самые насущные потребности. И эта баба была гораздо старше его, у нее уже была дочка пионерского возраста, лет то ли двенадцати, то ли тринадцати. Он часто ходил к этой бабе, в основном, когда дочка была в школе, чаще всего по субботам, потому что в субботу школа работает, а у Челидзе была увольнительная. Иногда он оставался у нее на ночь, потому что у этой бабы была отдельная квартира, и он мог позволить себе спать с ней в одной комнате, а дочка спала в другой и не знала, чем ее мама занимается с этим волосатым дядей. Ну, может, она отчасти и догадывалась, но ничего не говорила, или ее это не так уж волновало, к тому же Челидзе иногда приносил ей конфетки или шоколадки. И все шло прекрасно до одного из ряда вон выходящего случая.

Однажды курсант Челидзе явился на свидание с этой бабой в стельку пьяный. Перед этим он был на свадьбе у одного бойца из нашей роты и там основательно набрался. Он пришел к своей бабе, а та, естественно, была очень рада. Ну, они там, соответственно, повалялись, а потом, после любовного акта курсант Челидзе отправился в душ. Он вымылся и вышел оттуда в халате, а под халатом он был голый. Сверху халат распахивался на волосатой груди, а снизу торчали волосатые ноги. А в это время из школы пришла дочка.

То ли их раньше отпустили, то ли там в школе заболела учителька — неизвестно, только она пришла раньше обычного времени. И ее мамаша тоже отправилась в душ, оставив свою дочку один на один с этим жутким грузином. Но довольно скоро ей пришлось выскочить из душа, потому что сквозь шум воды она услышала, как ее дочка заорала, а курсант, в свою очередь, заорал на нее. Баба выскочила из ванной полуголая, и дочка бросилась к ней и стала говорить, что этот дядя показал ей свою штуку. Курсант Челидзе стал оправдываться и говорить, что он всего-навсего показал палец, чтобы рассмешить малышку, но мамаша была баба тертая и не поверила ни одному его слову. Когда он увидел, что она хочет вызвать милицию, он схватил кухонный нож и стал ей угрожать, но это еще больше ее раззадорило и разозлило. Короче, он поспешно оделся и свалил оттуда. Но этим дело не кончилось, потому что баба всерьез завелась и решила этого так не оставлять. Вскоре к нам в училище пришла телега из ментовки, где курсант Челидзе обвинялся в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетней. Курсанту Челидзе удалось уговорить эту бабу забрать заявление и не доводить дело до суда. Скорее всего, он заплатил ей бабки, но в училище сигнал уже поступил и с ним стали разбираться.

Устроили общее собрание, и наш начальник выступил и сказал: "Курсант Челидзе утверждает, что он показал девочке палец. А девочка утверждает, что курсант Челидзе показал ей член".

Он учился уже на пятом курсе, но его все равно отчислили "за цинизм". Так и не стал курсант Челидзе капитаном, и не суждено ему было, значит, бороздить голубые просторы –

уехал обратно к себе в Грузию, и там, наверное, вволю с девочками развлекается, и никто ему не мешает.

КРАЙНИЙ ЦИНИЗМ

Со мной в системе учился еще один чудачок, наш питерский. Папаша его был какой-то шишкодав, и учился он не очень, но все равно экзамены сдавал довольно хорошо, потому что преподаватели знали, что у него папаша не простой. И этот боец к четвертому курсу так распустился, что даже занятия стал пропускать, а если и приходил, то пьяный. Это всем надоело, но никто ему ничего не говорил — боялись его папашу. Хотя отчасти преподавателям было и наплевать: всем уже заранее было ясно, что на судне он, скорее всего, будет замполитом, а они обычно ничего не делают. У этого бойца было очень много самых разных баб. Он их менял раз в неделю, а бабы к нему так и липли, потому что капуста у него была, и он их поил. Но тут появилась у него какая-то тетя Утя, которая работала гальюнщицей, то есть туалетчицей в пивном баре "Очко", что на Грибанале. Этой тете Уте лет было хорошо за сорок, и она была довольно страшная, но зато она всегда бесплатно наливала ему пивка, когда он к ней заглядывал. А он уже до того опустился, что ему это казалось самым важным, что он пива может на халяву выпить. И еще, кажется, она давала ему деньги. То ли его папаша к тому времени перестал снабжать его бабками, потому что ему уже надоели фокусы сынка, то ли ему и тех бабок казалось мало, только он все время ходил к этой тете Уте. И он вместо занятий шел к открытию этого пивного бара и кирял там с этой тетей Утей. Иногда он накачивался только пивом, иногда приносил с собой шкалик, но это все уже кануло в историю и проверено быть не может.

А только один раз он пришел к этой тете Уте ужасно пьяный, просто в хлам. Она ему еще и пива налила, а он, конечно, не отказался и к тому же разбил пивную кружку. А потом ему захотелось в гальюн. Но гальюн был занят — там была только одна кабина, и она-то как раз и оказалась занята, а писсуар не работал, он был закрыт сверху какой-то фанерой. И он не стал мочиться там на пол, чтобы не прибавлять работы своей тете Уте, а, как приличный человек, вышел на улицу и стал искать укромное место. А там место людное, Невский недалеко, и он, хоть и был пьяный, но понимал, что нельзя раскрыть клапан и встать мочиться прямо на тротуаре. Поэтому он зашел в подворотню, а там был жилой дом, такой типичный питерский двор-колодец. И он встал в уголок и стал мочиться на стенку. При этом он, естественно, не смотрел, куда льется его струя. А там внизу оказалось оконце, за которым находилось подвальное помещение. И в этом подвальном помещении, оказывается, была квартира, где жило целое семейство. И они как раз в этот момент сидели и ужинали у приоткрытого оконца. Не знаю уж, зачем им понадобилось это оконце открывать, потому что оно было на уровне асфальта, и оттуда ничего, кроме пыли и миазмов, проникнуть не могло. Но может, им там в этом подвале и это казалось свежим воздухом. И вот получилось, что боец мочится прямо на их кухонную клеенку, на стол. Они сидели и ужинали, и там были несовершеннолетние дети, и вдруг откуда-то сверху течет струя мочи, а боец, который непосредственно является ее причиной, стоит, покачиваясь, и даже этого не замечает. Они, конечно, заорали на него, он посмотрел вниз, увидел все это, и вместо того, чтобы извиниться, послал их матом и пошел со двора на улицу. А они тут же побежали вызывать милицию. А он, когда вышел на улицу, из-за всей этой суматохи забыл застегнуть клапан и так и вышел с болтающимися из штанов концом. Там его и забрали в милицейский рафик.

А к нам в училище прислали сигнал, что курсант такой-то задержан в пьяном виде, и описано все его поведение. У нас сделали собрание, осудили его, и, несмотря на влиятельного папу, бойца отчислили за "крайний цинизм". Так и наступил конец его карьере мореплавателя.

ЖЕНИТЬБА

Был у нас на курсе один чудачок, иногородний, который с самого поступления в систему очень волновался, как бы ему в Питере остаться. Прописки у него не было, и после училища должен был он получить распределение куда-нибудь в город Замудонск или Крыжополь, откуда он сам, соответственно, и прибыл в город-герой на Неве. Но его такая перспектива почему-то совершенно не радовала, и он после долгих раздумий решил здесь себе жену искать, с пропиской и с квартирой. Правда, он был далеко не красавец, некоторые его даже уродом

считали, хотя лично я не баба, мне все равно. Конечно, если с таким в кубрике вечером столкнуться, то с непривычки и заикой можно стать. Он был очень худой, волосы редкие, зубов фактически не было. Там, где он жил, в северном регионе, витаминов ему в детстве не хватало, не было ни овощей, ни фруктов, и жрал он только одни леденцы, вот поэтому и зубов лишился – это он сам мне потом рассказал, чтобы я к нему сочувствием проникся и помог ему в Питере остаться.

Так что бабу он себе долго найти никак не мог. Кроме того, по-моему, его больше мужики интересовали: кажется, в детстве их с мамашей отец бросил, и он чувствовал тоску по неразделенной отцовской любви. Но это только мои догадки, никаких доказательств у меня не было, а то отправили бы его по этапу за Полярный Круг, и не довелось бы ему в Ленинграде хоть какое-то время пожить и наполнить витаминами свой истощенный организм.

Ну так вот, приходит однажды он в систему такой радостный, сияет и объявляет всем: «Я женился, ребята, поздравьте меня!» Все сразу стали его ругать, что он свадьбу зажал, просят невесту показать, хоть фотографию, а он начинает крутить, вертеть, и ничего не показывает. Правда, рассказал, что у его жены трехкомнатная квартира в центре, недалеко от улицы Гоголя, и что она очень интеллигентная женщина. Однако фотографию так и не предъявил – сказал, что нету фотографии. Наши чудачки стали строить разные предположения. Одни сказали, что его баба на обезьяну похожа, другие – что он на настоящей обезьяне женился, а наш комсорг так авторитетно заявил: «Ребята, наверняка жена ему в бабушки годится». Может, он уже тогда все знал, он же с КГБ был связан, а, может, просто интуиция, но он оказался прав.

Однажды выходим мы из училища, а у дверей стоит бабуля, правда, одетая в хорошую шубу и подкрашенная, и даже волосы у нее не седые, а синие – такая бабушка с голубыми волосами – и когда увидела она нашего Вовика, тут же бросилась к нему, обняла, начала целовать, и они вместе ушли. Вовику, вроде бы, неудобно как-то было, он видел, что мы все это наблюдаем, но ничего сделать он не мог. Потом он всем стал рассказывать, как он ее любит и какая это умная женщина, как много она для него сделала. В общем, мы все долго охуевали. Потом, правда, привыкли и уже внимание на все это обращать перестали. Какая разница, с кем он живет! Некоторые наши духи вообще рассказывали, что с кошками трахались, было и такое. А чем кошка лучше старухи?

А Вовик постепенно отъелся и даже зубы себе вставил, точнее, его старуха ему вставила, и стал прилично выглядеть. Он приобрел такую уверенность в себе, что даже разговаривать стал со всеми басом и поглядывать свысока на своих товарищей по курсу. Мне все это, конечно, не нравилось: что-то в этом во всем было противоестественное, неприятное, аморальное. Все же молодой человек должен себе молодую бабу искать, а не на старухе жениться, да еще ради того, чтобы хорошее распределение получить.

Учился он, правда, не так плохо, все экзамены сдавал. И вот постепенно подошли выпускные экзамены, стали решать вопрос о распределении. И тут вдруг вызывает его к себе комсорг и говорит: «Курсант, нам стало известно, что вы женаты на ленинградке. Не могли бы вы представить документы о регистрации брака?» А он уже давно эти документы принес, как только в ЗАГСе зарегистрировался, и теперь был в большом недоумении. Комсорг же продолжает ему на психику давить: «Кажется, ваша супруга постарше, чем вы?» Вовик ему говорит, что да, постарше, но это любовь, а уж любви все возрасты покорны, об этом даже в песне поется. А комсорг ему в ответ: «Я тебе сейчас вот этим стулом промеж рог как въебу, тогда ты у меня сразу свою любовь забудешь!» – и показывает ему головой на стул, что справа от стола стоял, чудачок едва успел из кабинета выскочить.

В общем, эти разглагольствования дешевые ему не сильно помогли – его вызвал к себе еще наш замполит, а потом и начальник училища. Долго ему мозги полоскали, спрашивали, как он мог до такого пойти. Потом собрали общее комсомольское собрание, на котором замполит заявил, что такой человек просто недостоин носить звание советского моряка. И его отчислили «за низкие моральные качества» перед самым распределением. Его жена после этого долго в училище ходила и с начальником беседовала, но нет, ничего не помогло.

Вообще-то, медосмотр у нас – дело самое обычное, проводят его периодически два раза в год, в начале и в конце учебного года. Бывает, что бойцы привозят из дальних краев разные экзотические болезни, к тому же, надо учитывать, что у нас и представители других рас имеются: как говорится, «комнату справа снимает китаец, комнату слева снимает малаец...» и так далее. То есть те и вовсе обычно едут отдохнуть к себе на родину предков, а уж там и с обезьянами трахаются, и с антилопами, и вообще с кем придется. Немудрено, что потом у них можно обнаружить все, что угодно: от бледной спирохеты до вируса иммунодефицита.

И вот, в сентябре начался у нас медосмотр в системе. Всех бойцов, как обычно, согнали в медпункт, и там докторица приказала им всем спустить штаны и продемонстрировать ей свои концы. Конечно, не всем сразу, потому что бойцов было слишком много, и некоторые ждали в коридоре, а некоторые сидели за занавеской в ожидании этого приятного мгновения. Потом докторица вызывала следующего, и боец выходил из-за занавески со спущенными трусами и бодрым голосом сообщал: «Курсант такой-то!» И она у себя в списке ставила напротив его фамилии галочку или там вопрос – если, конечно, у нее возникали какие-нибудь вопросы по поводу здоровья этого курсанта.

Ну вот, я сидел за занавеской на кушетке, покрытой клеенкой, и мимо меня все проходили и проходили наши бойцы, а я, лично, не особенно торопился продемонстрировать свой конец этой докторице. Это же всегда можно успеть сделать и в гораздо более приятной обстановке. Докторице ассистировала медсестра, которая, если возникали сомнения, подавала ей палочку, чтобы взять мазок, пробирочку, кусок ваты и тому подобные аксессуары. А я все сидел за занавеской и наблюдал за нашими бойцами. Члены у всех были совершенно разной длины, толщины, и даже форма была разная: у одних концы были чуть кривоватые, у других – совершенно прямые. В общем, довольно интересно – оказывается, бойцов можно и без штанов узнавать, если привыкнуть к такому способу общения. Говорят, по размеру носа на лице можно определять размер члена – меня этот вопрос давно интересовал, и я решил, наконец, проверить, действительно ли существует такая закономерность, и так увлекся этим процессом, что и не заметил, как все бойцы мимо меня прошли, и за занавеской остался я один. А докторица тем временем завела с медсестрой интересный разговор о том, как ее семнадцатилетняя дочь привела к себе мужика, а живут они в двухкомнатной квартире, и этот мужик сразу у докторши вызвал подозрение, поскольку она, как профессионал, уже всякого на своем веку навиделась. И она попыталась дочку отговорить, чтобы та этого мужика выгнала или, хотя бы, чтобы не торопилась с ним в интимные отношения вступать. Она дочку для этого разговора вызвала на кухню, а дочка слушать ничего не хотела, у нее уже глаза загорелись, и вообще она как будто офигела. И пока она с дочкой так беседовала, открылась дверь дочкиной комнаты, и на пороге появился этот мужик, со спущенными штанами и стоящим членом – член у него оказался просто нечеловеческих размеров, уж она, как профессионал, это со всей ответственностью могла заявить...

Тут я не выдержал и закашлял у себя за занавеской. Мне стало как-то неудобно такие откровения выслушивать, а они ведь не знали, что я за занавеской сижу. Докторица охнула и спрашивает: «Кто это?» А я откашлялся и громким голосом отрапортовал ей: «Курсант такой-то!» А потом откинул занавеску и вышел к медсестре и докторице, как и полагалось, со спущенными штанами.

БОРОВ

С какими только капитанами мне не приходилось плавать!

Вот у нас на "Павлове" был капитан, его фамилия была Скуратов, но все звали его Боров. Дело даже не в том, что он был жирный – хотя, конечно, он был именно жирный, и его форменный китель расходился у него на брюхе, а брюки сползали, и даже подтяжки ему не помогали – а главное то, что рожа у него была совершенно свиная, настоящее свиное рыло, глазки заплывшие, мутные, а еще впридавку от него отвратительно воняло каловыми массами, потому что у него была непроходимость кишечника. Он всех баб, которые были на судне, ну конечно, в первую очередь тех, что помоложе и покрасивей, приглашал к себе. Конечно, это делал не он сам, а подсланный старпом. Обычно на судне в рейс выходят три-четыре бабы:

дневальная, буфетчица, иногда — библиотекарша, и докторша. Но у нас вообще-то был докторишка, а библиотекой за дополнительное вознаграждение взялся заведовать старпом, и баб получалось только две: буфетчица и дневальная. Мне кажется, и вместо них можно поставить мужиков, но, наверное, это специально придумали, чтобы ублажать капитанов в море. Чтобы у них сперма не так сильно в мозги ударяла.

У нас тогда обязанности дневальной исполняла Ленка Прокофьева. Нельзя сказать, что она была красавица, но так, ничего, такая полная и молодая, двадцать четыре года. Старпом к ней подвалил и спрашивает: "Хотите сладенького?" Она сразу поняла, в чем дело. Обычно баб потом приглашали ночью посетить капитанскую каюту, но ей-то этого не захотелось, уж очень Боров был отвратительный. Не каждый захочет применять оральный способ возбуждения и при этом нюхать каловые массы, хотя, конечно, находились бабы, которые из необходимости этим занимались. Поэтому Прокофьева после того раза в рейс на "Павлове" уже не пошла, ее списали. Ведь команду набирает капитан, и если он против того или иного члена, тут уже ничего не поделаешь. Так что для Прокофьевой с того раза заграница кончилась. Старпом, кстати, тоже ему был нужен особый, то есть он сам должен был заботиться о том, чтобы капитан в рейсе спал не один, а с бабой. И еще ему, то есть Борову, нужно было массировать простату, потому что у него механизм уже плохо работал. Ну, естественно, он бабам платил, немного, правда, потому что он был до ужаса скупой и расплачивался, конечно, не из своих, а из представительских. Хотя на представительские он, вообще-то, должен был закупать хорошие сигареты и выпивку для иностранных агентов, шипшандлеров, которые приходят на борт и подписывают контракты. Но он все представительские экономил, а агентов угощал сигаретами "ТУ" или "ОПАЛ" и предлагал им слипшиеся леденцы в жестяной коробочке. Ну, агенты, конечно, в основном курили свои, а некоторые еще это делали так подчеркнуто брезгливо. Однако Борову-то на это было плевать, ему главное — сохранить валюту для себя. Из этой валюты он и платил бабам. Насчет мужиков не знаю, может, он был и не против того, чтобы ему вставили в кормовой отсек, особенно, если бы это был какой-нибудь здоровенный лось, вроде нашего "Говорящего Полена" — так мы звали старпома. Но тот был тупой и не догадывался обслужить начальство. Хотя один раз наш докторишка случайно заглянул к нему в каюту и увидел, как он пердолил в пухлую попку камбузника. Конечно, докторишка предварительно постучал, но Говорящее Полено, видимо, не слышал — уж очень он был поглощен этим занятием и так сопел, старался, значит. Короче, он докторишку не заметил, и тот тихо прикрыл дверь и пошел себе дальше по своим делам. А Боров в то время очень скучал и просил найти ему специалистку, чтобы ему помассировали простату, а то, якобы, длительное воздержание вредно.

Вообще-то, у него обычно была постоянная баба, которая с ним ходила в рейс, как бы его вторая жена, и все про это знали, включая его первую жену, которая на берегу. Это все капитаны так делают, исключений практически нет, во всяком случае, я о них не знаю. Но в тот раз его баба осталась в Ленинграде — придатки у нее заболели, что ли, наверное, наградил ее Боров каким-нибудь трипаком — ну, а ему в целях здорового образа жизни необходимо было регулярное сношение, а Говорящее Полено помочь ему не догадался.

О том, что рассказал мне докторишка, я, кстати, поставил в известность соответствующие органы, потому что это уж ни в какие рамки не лезет. С бабами еще туда-сюда, но гомосекситься прямо на судне — это уж вообще. Да только почему-то никакой реакции не последовало. Он так и остался старпомом, наверное, Боров его защитил, а может, они с ним все же договорились. Возможно, его, конечно, вызывали куда надо и отчески пожурили — не знаю, мне об этом ничего не известно.

А сейчас этот Боров уже умер, и довольно давно. Те, кто был на похоронах, говорят, что и в гробу от него воняло так же, как при жизни, просто рядом стоять было невозможно.

НОВЫЙ КОК

Кок — человек очень важный на судне, потому что от него во многом зависит настроение команды. Если он приготовит какое-нибудь дерьмо, то у людей весь день плохое настроение, а если накормит команду хорошо, то все весь день веселые и бодрые. Поэтому я лично очень внимательно относился к этому вопросу. Наш старый кок, которого мы все уже давно знали и к которому привыкли, внезапно решил попытать счастья в чужих краях, погнался, так сказать, за длинным рублем, короче, пошел плавать "под флаг". И вот остались мы без кока, а нам скоро в рейс идти, и время уже поджимает, так что особенно не повыбираешь. Наш старпом забегал,

засуетился, ему в кадрах предлагали каких-то там коков, но он все хотел найти получше, чтобы отличиться и чтобы его капитан похвалил. А время идет, и до выхода в рейс остается все меньше дней. И буквально за день до выхода в море, когда мы уже решили, что быть нам без кока, прибегает старпом, очень возбужденный, и кричит: «Нашел, нашел! Прекрасный кок, вы меня за него благодарить будете!» Капитан его похвалил, но как-то формально, как будто ему наплевать и на кока, и на все остальное. А я сразу подумал, что что-то тут не то, уж лучше бы мы в кадры обратились, а то брать неизвестно кого – потом хлопот не оберешься. Но я ничего не сказал, поскольку старпом его уж так расхваливал, да мне и не хотелось человеку настроение портить – пусть погордится. Привел он кока: парня лет тридцати с небольшим, на вид приличного. Он сказал, что раньше работал в каком-то там ресторане, что готовить умеет все и делает это профессионально. Так все, вроде бы, с виду было прекрасно и замечательно, но у меня почему-то было нехорошее предчувствие, я совершенно не доверял этому коку и в рейсе ожидал от него больших неприятностей.

Ну так вот, вышли мы в рейс. Первые дни все было хорошо. Утром мы приходили в кают-компанию, а там уже столы накрыты, и все так красиво и аппетитно нарезано и подано, что только радуешься! На обед он готовил нам разные экзотические блюда, такого я раньше даже и не пробовал, и все действительно было вкусно. Все наши чудачки нарадоваться не могли на такого кока и только и делали, что его хвалили, и старпому капитан уже не раз выносил благодарность. Такая лафа продолжалась примерно неделю, а после мы стали замечать, что наш кок частенько навеселе, и выхлоп от него соответствующий. У нас же на судне все, как пауки в банке, один за другим сечет, и все друг про друга знают каждую подробность, даже кто сколько раз в гальюн ходил, и кто в какое время онанизмом занимается. Ну и про этого кока все тоже сразу заметили, что он, как мы в рейс вышли, начал квасить потихоньку. То, что он с собой взял солидный запас спирта, никого особо не взволновало – у нас все так делали, кроме меня, конечно, потому что мне это не нужно, я и так неплохо живу. А так все на судне выпивали, иначе никак нельзя, и многие из-за этого всегда были в хорошем настроении и веселые. Как, например, наш боцман: у него всегда в бутылочке из-под минералки был налит спирт, разведенный водичкой, и он пил его из чашечки, а ножик был замаскирован под пилочку, и он этой пилочкой так аккуратно напильничал себе кубики лука и им закусывал, и у него в каюте всегда был такой выхлоп – зайдешь и сразу выскочить на свежий воздух хочется, потому что, кроме всего прочего, лук способствует обильному газообразованию в кишечнике.

Ну а кок – не знаю, способствовала ли выпивка подъему его творческой энергии, или просто он не мог обходиться без спиртного – но, во всяком случае, у него начался классический запой. Готовить он стал все хуже и хуже, к тому же часто опаздывал, и когда мы приходили на обед или, там, на завтрак, он, пошатываясь, еще продолжал возиться на кухне, а буфетчица накрывала на стол и про себя тихо материлась. И вот однажды – а мы тогда шли в Тихом Океане – на ужин нам подали только спитой чай и какие-то черствые бутерброды с засохшим сыром. Все стали орать, и требовать кока, а буфетчица вышла и с такой ухмылочкой сообщает, что он валяется у себя в каюте и не может встать. Ну, поорали и разошлись: кто – на вахту, кто – в радиорубку, кто порнуху по видуку смотреть, а кто просто спать.

Но эта ночь выдалась беспокойной, и выспаться нам не пришлось. Потому что примерно часа в два ночи кок, как привидение, вышел из своей каюты и пошел по коридору: он заходил в каждую каюту, а далеко не все наши чудачки на ночь закрывались на ключ, многие двери были открыты, и он просто поворачивал ручку и заходил. А в каюте он тихими шагами подходил к тумбочке и начинал шарить там в надежде найти спиртное, и все, что находил, забирал себе, включая одеколон. Могу сказать сразу, что в основном ему достался одеколон, так как спирт все хранили в потайных местах, чтобы никто не нашел, потому что у нас много было таких чудачков, которые не прочь были выпить на халяву. И он с богатой добычей бутылок одеколona различных марок направился к себе в каюту, заперся там и до утра пировал в полном одиночестве. А наутро все, естественно, в предвкушении завтрака, спустились в кают-компанию, но не нашли там ничего, кроме пустых столов, засыпанных крошками. Тут наши чудачки пришли в ярость и стали крыть кока матом, да к тому же еще многие обнаружили пропажу одеколona, а кто-то видел, как кок в тельнике и в трусах заходил в каюту старпома, и сперва об этом прилюдно не сказал, потому что решил, мало ли что, может, они друг друга любят. Но когда старпом сообщил, что у него пропал дорогой французский одеколон, то ему тут же доложили, что видели, как кок ночью открывал дверь его каюты. Сразу же отправились в каюту кока, но он лежал на койке в бессознательном состоянии, а на полу валялись склянки из-под одеколona, штук двадцать, и все пустые, а на тумбочке возле кровати стоял наполовину опорожненный флакон французского одеколona с пульверизатором. Я так понял, что он его не выпил, потому что уж очень долго было прыскать себе в рот этот одеколон, а может, он по

вкусу оказался хуже, чем другие. Старпом, конечно, забрал эти остатки, потому что это была его бутылка. Он страшно матерился, ведь одеколон стоил ему двадцать баксов. Кока тут же решили протрезвить, обед-то кто-то должен готовить. Взяли его за руки, за ноги, стащили с койки и прямо в одежде перенесли в ванную, под холодный душ, потом дали ему нашатырного спирта – докторишка сказал, что это самое лучшее средство – и он весь мокрый, вращая безумными глазами, пришел в себя. Дали ему крепкого кофе, ну, в общем, возились, как с вовиком.

И через час он уже стоял у себя в камбузе, и что-то там шустрил. Все у него кипело, пар валил чуть ли не из ушей – он чувствовал свою вину и стремился ее загладить. И когда мы пришли на обед, то снова почувствовали подъем настроения: все столы были накрыты идеально, в тарелках налит какой-то там борщ со сметанкой, и даже бумажные цветочки он в вазочки напихал и посередине стола поставил. Только мы уселись за стол и взяли ложки, как вдруг прибегает старпом и кричит: «Ребята, ребята, не ешьте это!» Все, ничего не понимая, уставились на него и сразу: «В чем дело? Почему? Что случилось?» А старпом опять: «Не ешьте, ни в коем случае! Я час назад видел, как его в камбузе возле котлов чистило!» Я сперва не понял, а потом, когда увидел, как дневальная выносит полведра его блевотины, которую предварительно в камбузе на совок собирала, до меня дошло, что значит “чистило”. Ну, конечно, аппетит у всех сразу пропал, все жутко разозлились, и кое-кто хотел коку морду бить. А по-моему, так морду бить нужно было старпому, потому что это благодаря ему у нас появился такой замечательный кок. Но на старпوما наезжать боялись, и в основном все тянули на кока.

Ну, особенно с ним церемониться не стали, связались по рации, в ближайшем порту вручили ему билет на самолет и — прощай дорогой! А вместо него прибыл нормальный кок, который конечно, тоже выпивал, но все же на одеколон никогда не переходил и у котлов ни разу не блевал, во всяком случае, такого за ним не замечали.

РАЗЛИЧНОЕ ПОНИМАНИЕ СЛОВ И ПОСТУПКОВ

Удивляют меня некоторые наши чудачки: они претендуют на то, что живут, просто так, как дети природы, так сказать, и все хотят веселиться и радоваться. Все им до фени, вроде бы, во всяком случае, они изображают, такую, можно сказать, детскую непосредственность. И вот если им скажешь, что, мол, вы то-то и то-то не сделали, палубу не выдраили, гальюн не вымыли, на ходовую вахту опоздали – они так ручкой машут, как будто муху занудную от себя отгоняют, мол, не капайте нам на мозги. А когда им скажешь, что так не положено, то они отвечают: «А на то, что положено, еще кой-что положено!» – и весь разговор, завершается, так сказать, диким хихиканьем. И вот, странная вещь, им не платят зарплату уже полгода, и они почему-то начинают возмущаться, и апеллировать к законам и грозятся подать в суд, то есть уже ощущают себя полноправными членами общества, которых ущемили в их основных правах. И они начинают ходить в разные инстанции и стучать там кулаком по столу, и даже приходят ко мне и вопят: «Когда же нам отдадут то, что нам положено!» А я им объясняю, что на что положено, и предлагаю им так же веселиться и продолжать радоваться жизни и пребывать в своей милой детской непосредственности. А то неувязочка получается: с одной стороны живут, как дети, а с другой – качают права, как взрослые. Никакой логики и последовательности в поступках!

Или вот ходил я недавно с одним капитаном, по фамилии Захаров. Он был вообще-то ничего, не такой жуткий, как другие, с кем мне приходилось иметь дело, но свои странности у него были. Тогда к нам поступила работать новая буфетчица, молодая и симпатичная, звали ее Светка. И капитан, естественно, стал домогаться ее склонности, но она ни в какую не соглашалась. А он хотел склонить ее к сожительству, как это обычно принято на судах. Но она не хотела или просто цену себе набивала, что, конечно, более вероятно. И он решил ее явно не принуждать, а осуществить на нее, так сказать, технику мягкого давления. И он стал требовать, чтобы она ходила только в коротких юбках, и запрещал ей носить брюки и длинные платья, и все время, при ее появлении, говорил: «Ах, что за ножки! Какие прекрасные ножки!» Он таким образом хотел ее возбудить и достичь того, чтобы она сама прибежала к нему в постель. Но время шло, и ничего не менялось. И он стал постепенно нервничать и подозревать ее в связи то со старпомом, то с третьим, он сам не знал, с кем она может спать, но он был уверен, что она обязательно с кем-то сожительствует, ведь иначе просто не могло быть! Правда, никаких фактов, подтверждающих данную гипотезу, у него не было, но он просто чувствовал, что что-то тут не

то! И вот по ночам он стал ходить в каюты – он ходил и к старпому, и к третьему, и к радистам, и к боцману – специальным ключом открывал дверь и шарил по тумбочкам в поисках резиновых изделий, что могло послужить уликами и дать толчок для дальнейшего расследования. Некоторые просыпались и, увидев рядом с собой в темноте бесформенную фигуру, пугались... Но потом все выяснилось и встало на свои места. Буфетчица, как оказалось, не жила ни с одним из членов команды, потому что у нее в каюте был спрятан резиновый член с моторчиком, который она периодически использовала и приводила в действие, и поэтому она была всегда в хорошем настроении, и никто ей был не нужен.

А этот Захаров окончательно спятил и решил: если она ему не дает, то пусть хотя бы даст кому-то другому, а он посмотрит. И он как-то там договорился с боцманом и еще с одним палубным матросом, и те однажды ночью ввалились к ней в каюту и совершили, так сказать, групповое болтование, а капитан смотрел в щелку и радовался.

Помню, когда мы учились в системе, нам читал лекции один такой профессор. Вот он приходил и начинал нам рассказывать, а у нас на занятиях только полгруппы, да и те спят, и он нам рассказывает про групповое болтование, а один наш чудачок поднимает голову и говорит: «За групповое больше дают». А профессор на это замечание никакого внимания не обратил, но под конец лекции сообщил: «Вот в вашей группе интеллектуальный уровень гораздо выше, чем во второй: там почему-то очень долго смеялись над словом “болт”». Ну что ему на это ответишь? Мы просто по-разному понимаем слова, вот и все.

ТАМОЖНЯ

Каждый раз, когда мы подходим к родному порту, повторяется та же история: лица у всех наших духов становятся крайне озабоченными, и они начинают бегать туда-сюда по судну. И чаще всего почему-то все в машинном отделении толкутся – от докторишки до буфетчицы, хотя, вроде бы, спрашивается, им-то что там делать. Ну, мне-то известно, что там очень много разных потайных закутков, где можно спрятать от бдительного взгляда таможенников разные запрещенные предметы, не то что раньше, когда пачку порнографических открыток или там презервативов с рожками у себя в трусах маскировали, так как это считалось моральным разложением, и правильно, в общем-то. Сейчас в основном все прячут там: кокаин, иногда героин, кто и пушку умудрится замаскировать, которую раздобыл по случаю по дешевке у перекупщиков. Сегодня время такое, что каждый мечтает сам себя защитить, и нашим чудачкам кажется, что раз у него есть какой-нибудь там «Смит-и-Вессон», то он уже ковбой, герой, так сказать, западного боевика. Хотя сейчас и у нас боевики ничуть не хуже снимают – лично мне нравится. А то раньше, помню, смотрел я фильм «Таможня», так там эту профессию воспевали на все лады, старший таможенник молодого наставлял, как нужно работать и уверял, что это профессия самая благородная, лучше нее ничего просто и быть не может. Конечно, так можно и профессию ассенизатора воспеть, мол, людям помогает, говно убирает, а то все бы в говне утонули. Удивляюсь, почему эта профессия у нас как-то в тени осталась, тогда же любой труд был в почете.

Боцман однажды перед самой швартовкой аж в трюм спустился, уж не знаю, что он там скрывал, но мы в том рейсе в трюме железные болванки перевозили. И вот я стою на палубе – уже подходим к причалу, нужно швартовы подавать, и просто некому – весь состав судорожно распахивает по тайничкам свое добро. Я плюнул, и пошел к себе в каюту. Мне, что ли, одному швартоваться? Прохожу мимо трюма и слышу, как будто кто-то воет. Я в трюм заглянул, а там наш боцман между этими болванками застрял и на помощь зовет, ему пузо мешает, у него пузо такое, что я вообще не представляю, как он по палубе передвигается, а не то что по трюму с обезьяней ловкостью среди болванок скачет. Ну, я, естественно, вахтенного матросика позвал – он как раз там неподалеку оказался – тот еще людей на подмогу вызвал, и выгасили боцманмана. Тут и со швартовкой заодно вопрос решили. Причалили мы к берегу, и сразу же к нам на борт, как обычно, чередой взошли погранцы и таможня.

Обычно у нас проблем с таможней не бывает: капитан с главным таможенником в каюте распивают бутылку джина, выкуривают по пачке американских сигарет, а на прощанье капитан

ему еще с собой бутылку и блок сигарет предлагает, просто по дружбе и взаимному расположению. Остальные таможенники в это время по палубе прогуливаются и покуряют. И на этот раз все шло так же мирно. Главный отправился к капитану, и оттуда вскоре послышался довольный гогот, и потянуло дымком, а другие таможенники стали по палубе прогуливаться и для порядка по переборкам постукивать. Некоторые, правда, решили особое рвение проявить и отправились по каютам шарить. У кого-то из чудачков резиновую куклу нашли в койке, а тот буквально из себя вышел и стал на таможенника орать, словно тот его жену законную щупает. У другого духа пачку импортных презервативов обнаружили, а у буфетчицы нашли полное обмундирование для проведения сеансов садо-мазохизма: лифчик, трусы, сапоги до колена, все – из черной кожи, и еще плетку-семихвостку и наручники. Все наши чудачки жутко обозлились. Кому приятно, когда в твоих личных вещах копаются и твои интимные, так сказать, предметы, на всеобщее обозрение вытаскивают? К тому же, после того, как таможенники по каютам прошлись, у одного матросика пропало сто долларов. Он эти доллары просто в кармане робы держал, а роба висела на вешалке. И хорошо он вовремя проверил и поднял ужасный скандал. Крики, вопли, таможенник сперва тоже стал орать и глаза вытарачил, как будто его несправедливо обидели, но потом, когда его к стенке приперли, зеленую бумажку из кармана вытащил и матросу отдал.

Тем временем другой наш матросик решил с одним из таможенников, которые по палубе гуляли и курили, поговорить. То ли тот ему понравился, то ли просто пообщаться захотелось – не знаю, мне предыстория этого дела неведома. А таможенник оказался в плохом настроении и послал его, как говорится, на три советских буквы. Матросик же оказался вспыльчивый и обидчивый, и съездил таможеннику по роже. У того фуражка слетела, и он ему, естественно, ответил тем же, ну и пошла у них махня. Их тут же бросились разнимать, доложили капитану, в общем, неприятный инцидент. С матросиком стали разбираться, мол, что случилось, чтобы он хоть как-то свое поведение объяснил. А он ничего связного ответить не может, только бормочет, что не любит, когда матом ругаются. Капитан уже просто совершенно из себя вышел и говорит: «Разбирайтесь с ним без меня. Уведите, чтобы я его больше не видел». И пошел к себе в каюту дальше квасить.

Матросика, вообще-то, жалко было. Я бы все это дело замял, потому что работник он был неплохой и не квасил почти. Мне с ним долго пришлось разбираться. Но если бы он хоть какое-то объяснение своих действий мне представил, а то ведь совсем ничего сказать не может. В общем, пришлось нам его на берег списать. А в характеристике ему мы обозначили: «Матрос Ларионов по характеру крайне замкнут и необщителен». Кто знает, что у него там под черепушкой!

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

Конечно, я понимаю, что у наших чудачков есть естественные потребности, короче, им часто хочется с кем-нибудь там перепахнуться, и как только наше судно входит в гавань и бросает якорь, они все только и думают, что о разных там сексшопах и стриптиз-шоу, и разговоры ведут соответствующие. Раньше, на мой взгляд, была более здоровая обстановка: на берег всех пускали только втроем, и они не могли дать себе полную свободу, потому что один на другого мог стукнуть, и все эти отрицательные факты, свидетельствующие о моральном разложении, сразу же попадали в личное дело. Теперь же, когда установилась полная свобода, наши духи в иностранном порту сразу же устремляются в различные злчные места и ищут себе там забав – каждый в соответствии со своей сексуальной ориентацией. Хотя сейчас и у нас в стране в различных сексшопах и борделях недостатка, кажется, не наблюдается, но все равно, им кажется, что за границей все это как-то лучше устроено.

И вот как-то я помню, когда мы шли в Средиземном море, наш старпом уже с трудом сдерживал свою сексуальную озабоченность и все на эту тему говорил и говорил. Мне, конечно, было противно, но я никак своих чувств не выражал, и старался просто от него подальше держаться, чтобы он своими откровениями с кем-нибудь другим делился. А когда мы пришли в порт, он сразу же на берег побежал, и появился лишь вечером. Смотрю, он идет по трапу, а впереди него идет здоровенная баба, вся накрашенная, яркая блондинка, в кофте с декольте, в короткой обтягивающей юбке, а он пристроился сзади и так бережно ее за жопу поддерживает. Наш вахтенный как увидел эту картину, так просто дара речи лишился, ведь это запрещено – баб

на судно приводить, тем более таких. Но старпом уже обо всем с мастером договорился, потому что у них с мастером на этот предмет взгляды совершенно совпадали, поэтому пришлось их пропустить. Они заперлись в каюте старпома и там всю ночь кувыркались. Это мне рассказывал боцман, каюта которого по соседству располагалась, и он слышал оттуда весьма откровенные звуки: можно было подумать, что мы не на торговом судне, а в плавучем борделе находимся. Потом они угомонились и заснули. А наутро он эту бабу обратно вывел; она по трапу спустилась и исчезла там, откуда пришла. А наш старпом вскоре обнаружил пропажу своих часов, золотого обручального кольца, которое он перед этим предусмотрительно с пальца снял и в ящик стола положил, и бумажника, где, кстати, кроме денег, были еще и какие-то там документы. Он вообще особенно этого афишировать не хотел, но пришлось. Потому что боцман тоже вскоре явился и стал на него матом орать, что эта блядь и его обворовала: сперла часы, деньги, и еще много чего. А вскоре и сам мастер с грустью признался, что у него тоже пропали ценные вещи и документы, так что он никак не мог этот факт утаить, все равно пришлось бы признаться. А все наши духи такую вонь подняли, так возмущались, что я просто диву дался, какие у них высокие моральные принципы.

Слишком впечатлительные, наверное, оказались наши чудачки. Зато я лишний раз порадовался, что ни разу в такие истории не попадал. Хотя я уже привык, что когда имеешь дело с людьми, лишенными стойких моральных принципов, то всегда рискуешь вляпаться в неприятную историю.

ДОКТОРИШКА

Я вообще в рейсе обычно ни с кем близко стараюсь не сходиться. У нас такие люди: стоит им какую-то информацию про тебя узнать, как они сразу же ее против тебя будут использовать. Поэтому я предпочитаю быть в одиночестве. Единственный человек, с которым я на судне в тот раз общался – это докторишка. Он был очень эрудированный и образованный человек и даже матом никогда не выражался, в отличие от всех прочих членов команды. Я частенько к нему в медпункт заходил, и мы с ним о разных болезнях разговаривали. У меня был с собой «Медицинский справочник капитана», который я в рейсе постоянно изучал, и очень много полезного для себя из этой книги почерпнул. А докторишка мне разъяснения давал по всем непонятным пунктам и иллюстрировал свои слова примерами.

Вот однажды в его практике был такой жуткий случай: в рейс вышел замполит – а это было еще в те времена, когда замполиты на каждом судне плавали – в совершенно ненормальном состоянии. И докторишка видел, что с ним не все в порядке, но сказать ничего не мог, потому что его бы просто не послушали, и он боялся вообще связываться с такими людьми, поэтому промолчал. А в рейсе у замполита окончательно съехала крыша. Он ходил, говорил сам с собой, дико хихикал, ничего не ел и не спал по ночам. И докторишка не знал, что же делать в такой ситуации. Днем замполит у себя в каюте сидел, положив ноги на стол и непрерывно курил, а ночью отправлялся гулять по трапам. В результате он чуть не свалился в машинное отделение, вахтенный матрос его чудом поймал в последний момент. Никакие таблетки он не принимал, хотя докторишка ему их неоднократно предлагал. И тогда докторишка решил просто подмешивать снотворное ему в чай, потому что чай он все же иногда пил. Но и это не помогало, его невозможно было усыпить хотя бы на пару часов, он только становился более тихий, а потом опять начинал демонстрировать свои заебы. А однажды ночью он чуть вообще не повесился, и докторишка совершенно случайно заметил, что он сидит в какой-то странной позе на банке у бортового ограждения, весь скорчившись. Оказывается, он сделал себе петлю из галстука и уже ее затянул, если бы докторишка подошел на десять минут позже, то его бы уже никто не откачал. Но самое главное, однажды на политинформации, которые он регулярно должен был проводить на судне – это была его единственная обязанность – он достал газету «Правда» и, вместо того, чтобы начать ее вслух читать, как он это обычно делал, вдруг стал ее рвать на мелкие ровные кусочки. Наши чудачки все сразу притихли и стали наблюдать за ним с нескрываемым интересом. А замполит собрал все кусочки и отнес в галльон, после этого вдруг достал другую газету и, как ни в чем не бывало, начал читать. После того рейса докторишка решил вообще сменить специальность и устроиться работать в обыкновенную районную поликлинику, но его жена стала доставать, потому что хотела, чтобы он привозил ей импортные шмотки и косметику. Правда, таких жутких случаев, как с тем замполитом, у него больше не было, в основном легкие венерические заболевания, типа трипака или сифака, в общем, ничего страшного.

Но и у самого докторишки некоторые странности я тоже заметил. Он постоянно мыл руки, никогда не обедал вместе со всеми в кают-компании и всегда ходил на камбуз со своими судками, куда кок заботливо накладывал ему еду. И еще он никогда не здоровался ни с кем из членов команды за руку, а все стремился поцеловаться с ними троекратно, по-французски, объясняя, что так более красиво и эстетично. Мне лично на эти странности было наплевать, я-то все равно к нему хорошо относился. Но потом он стал всем рассказывать, что он, вообще-то, по национальности француз, и что его прапрабабка была знакома с самим Наполеоном. Впрочем, вскоре его и вовсе списали на берег, и больше я его не видел.

МЫ СТОЯЛИ ТОГДА В ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОРТУ

Мы стояли тогда в ленинградском порту. Меня отпустили домой на сутки, а через два дня мы должны были выходить в рейс на Средиземное море. Ну, я и собрал все свои рубашки, носки, трусы, сложил в вещмешок и принес все это барахло домой, чтобы, соответственно, постирать. Я забросил его в стиральную машину, а сам стал звонить на судно: как там без меня дела идут. Оказалось, все нормально, вахтенный на месте, тишина и покой. Ну и я спокойно постирал, пожрал и спать завалился. А утром я проснулся рано, в пять часов, и все никак заснуть не могу, лежу и думаю: как там на судне, на месте ли вахтенный. Решил поехать туда пораньше и проверить. Вызвал мотор и отправился в порт.

Подхожу к родному судну, поднимаюсь по трапу, а там никого нет, ни души – заходи, кто хочешь. Вахтенный куда-то делся. Я пошел в кубрик, думал, он там – нету, как сквозь землю провалился. Ну, думаю, пошел чудачок в город гулять, по бабам, по блядям, и, наверняка, придет ровно к девяти, когда я должен на судно прибыть, и встанет у трапа, как ни в чем не бывало. А то, что на судно всю ночь мог кто угодно проникнуть, а может, и проник уже – я же судно не обыскивал, не знаю -- на это чудачку, естественно, насрать. Настроение у меня, конечно, резко упало. Никому доверять нельзя, вот суки! Стоит отвернуться – и все они тут же как тараканы, расползаются по своим делишкам, тешить свои, так сказать, низменные наклонности.

Тут я слышу, неподалеку в гальюне шум воды, открывается дверь, выходит вахтенный и на ходу клапан застегивает. Я ему говорю: «Товарищ матрос, почему вы оставили доверенный вам пост у трапа? Вы что, забыли инструкцию?» А он мне отвечает: «Я вчера чего-то не то съел, меня всю ночь чистит, из гальюна не вылезаю».

Это меня еще больше возмутило, и я ему говорю: «Товарищ матрос, вам доверено судно, а вы тешите свои естественные надобности, забыли, так сказать, про свой долг, и вам, видимо, наплевать на то, что на судно может забраться кто угодно, пока вы в гальюне на толчке прохлаждаетесь...»

На что он отвечает мне в грубой форме, посылает меня подальше, поворачивается спиной и хочет уйти. А когда я попытался удержать его за плечо, он развернулся и дал мне по морде – как раз в левый глаз попал. Мне хоть и больно было, но я все же подумал, что отвечать ему не стоит, у меня-то на лице следы останутся, тем более, он в глаз попал, фингал точно будет, а у него – нет, и любая медэкспертиза будет на моей стороне. А он тем временем мне по челюсти врезал, и еще по другому глазу. Видит, что я стою и не отвечаю, и еще больше взбесился, сволочь. Ну а я даже руки за спиной сцепил и лицо ему подставил, а сам думаю: «Надо терпеть, отвечать ни в коем случае не буду».

А он посмотрел на меня, плюнул на палубу и ушел. Я же пошел к себе в каюту и стал рассматривать себя в зеркало. Под обеими глазами – фингалы, левая скула опухла, я потрогал: изнутри на щеке ссадина образовалась, это мой же зуб щеку во время удара изнутри поранил. Я тут же сел за стол и написал на него докладную капитану: как он свой пост оставил и как на меня с кулаками напал.

А пока все это происходило, у трапа так никого и не было. После драки чудачок опять в гальюн направился. Видно, на самом деле, что-то не то он съел накануне.

ПОД ФЛАГОМ

Исторические перемены затронули и наше Паракетство, которое стало разваливаться, дышать, так сказать, на ладан. Но мне не особенно хотелось дергаться, я вообще стараюсь в жизни придерживаться принципа, народного – «на одном месте и камень мхом обрастает» – и не особенно стремлюсь в поисках длинного рубля или там сладкого куса покидать родную гавань. Все же в Паракетстве я на постоянной работе и даже на государственной службе, ведь тогда это еще было государственное предприятие, хотя постепенно там все разворовали, растащили, так что даже телефоны и свет в конторе за неуплату отключили. Смешно сказать, но вскоре уже и с судна, которое на якоре в родном порту стояло, позвонить наши чудачки домой не могли, потому что все, как оказалось, стоит денег, а денег-то в Паракетстве и нет. Меня маманя стала ужасно доставать: «ищи себе работу, ищи себе работу», – и пришлось мне все же кое-какие усилия предпринять. Оказалось, чтобы работу найти, нужно две тысячи баксов на лапу дать, а у меня таких денег не было, хотя, если поискать, то найти можно было, но жалко ведь такую солидную сумму отдавать ни за что. Однако пришлось мне так сделать. Маманька меня совсем достала, каждый день на меня орала, угрожала, что из дому выгонит.

Явился я в контору, где вербуют людей «под флаг», то есть на иностранные суда, под чужие знамена, принес в конверте бабки, а там сидит такая баба, вся намазанная, покрашенная, как жучка. Я с ней поговорил, поговорил, намекнул на разные обстоятельства, она мне заулыбалась, я ей конвертик тихонько передал, и она тут же мне пообещала, что как только что-нибудь подходящее будет, она меня сразу же известит. А для меня еще было важно, чтобы меня на судно взяли именно старпомом, я как раз тогда только что на старпома сдал, и мне было совершенно неинтересно идти в рейс вторым или там третьим – таких предложений, кстати, было навалом. Но никаких гарантий мне никто дать не мог: баба деньги взяла, ни расписки, ни свидетеля, ничего нет, и если она завтра исчезнет в неизвестном направлении, я опять буду вынужден искать эти два куса и нести их уже другой бабе, которая на ее месте сидеть будет.

Мамане эту аферу провернуть посоветовала соседка, тетя Нина. Ее племянника тоже устроили на какой-то там сухогруз, принадлежащий одной финской кампании, где как раз требовался старпом вместо прежнего, которого по болезни списали на берег. Он пришел на судно, побеседовал с капитаном – ничего страшного, она все подробно мамане изложила, все, как он ей рассказывал, очень правдоподобно, с подробностями. Все, как обычно, кругом одни алканавты, капитан, естественно, не исключение. Ему объяснили его обязанности, хотя он и без того все прекрасно знал, и пошли они в Грецию, на Средиземное и Эгейское море. В рейсе тоже все было, как обычно: команда не просыхает, капитан – тоже, судно идет себе и идет, как говорится, из одной дырки в другую, это я так от себя добавляю, они, собственно, так не говорили. Добрались они до Греции, выгрузились, и теперь ему, вроде бы, нужно обратно улетать, а билета на самолет пока нет. К тому же, и срок контракта еще не закончился, новый старпом не прибыл, нужно ждать. Его поселили в роскошном отеле, пятизвездочном: бассейн, телевизор, видик и бар – в номере. Он каждый день загорал, купался, по вечерам порнуху смотрел то по телику, то по видеку, как душа пожелает, ну а жрал, вообще, кажется, на тысячу долларов в день. Он загорел как ниггер, вообще, прекрасно себя чувствовал, поэтому нельзя сказать, что он с нетерпением ожидал, пока придет старпом ему на подмену – он бы не прочь пожить так еще пару месяцев, а то и год. Однако все на свете кончается, как сказал классик. Как-то утром прибыл новый старпом, а он собрал свой чемодан, получил честно заработанные бабки, сел на самолет и отправился в родной Питер. Тетя его в аэропорту встречала, так даже не узнала и мимо прошла – так он поправился и загорел, короче, прекрасно выглядел. В общем, ему так понравилось плавать под чужим флагом, что на наш российский с тех пор он спокойно даже смотреть не может, у него на него аллергия.

Время шло, а я все сидел без работы, наконец, нашли мне одно голландское судно, где вся команда – наша, начиная от капитана и кончая матросами, только надсмотрщик – голландец. Ну а мне-то что, финн, что голландец – какая разница! Однако разницу я все же почувствовал, и очень скоро.

Вышли мы в рейс, ну, прямо скажу, такого я не ожидал. Во-первых, команда, вместо тридцати двух человек, как обычно полагается, ограничивалась всего пятнадцатью, при этом столько работы на каждого навалили, что мне даже три часа в сутки для сна выкроить не удавалось. Шли мы, шли, и я постепенно стал выдыхаться, потому что я должен был и вахту стоять, и судно вести, и за грузом следить, и еще много чего на мне висело. А голландец этот с хлыстом похаживает, и все на меня посматривает, как я работаю. Вообще-то, он за всеми следил,

но за мной почему-то больше всех, а может, мне просто так казалось. А что на судне творилось – я просто передать не могу, такого я еще никогда в жизни не видел! Все грязное, все переборки в каком-то говне, все палубы засыпаны использованными презервативами – уж не знаю, с кем там им удавалось столько есть, просто удивительное дело – вместо белья на кроватях какое-то грязное рваное тряпье в пятнах – то ли спермы, то ли говна, разобрать невозможно, да мне и неинтересно было разбираться. А когда я спросил у боцмана, где же белье, тот вылутился на меня с таким удивлением: «Ка-а-акое белье?» Я ему: «Постельное!» А он: «Но у вас же есть постельное белье, возьмите и постирайте!» Вот так!

Хорошо еще, мне маманя с собой дала чистое полотенце, так я им подушку закрывал, когда спать ложился, а спал я одетым, потому что в каютах, кроме всего прочего, был жуткий холод. Ни кока, ни буфетчицы, ни докторишки, как обычно всегда до этого бывало, на этом судне не было, на обед тут давали только полуфабрикаты: йогурты, печенье, консервы, – и ничего не готовили. Все на полном самообслуживании, так сказать. А когда мы в порт пришли, то я вообще стал еще больше доходить – тяжеловесы береговые рабочие грузить отказались, и наш голландец заявил нам, что мы сами будем это делать, а не то он всех оштрафует. При этих словах все покорно принялись за работу, а тяжеловесы грузить – дело не простое, ведь это такие огромные детали для турбин или двигателей, само собой, очень тяжелые, поэтому они так и называются. Кроме того, в этом деле нужен опыт, нужно знать, как их закрепить, как их принимать, куда опускать, так просто и сразу не научишься. Однако наших чудачков так напугали слова голландца о штрафе, что они, как бобики, все покорно сгрузили, кое-как закрепили, и мы вышли обратно в море.

А я направился к себе в каюту и сел заполнять документы на этот груз – эту работу тоже на меня повесили. И вдруг вваливается этот голландец – а это был такой белесый парнишка, лет двадцати девяти, не больше, но очень наглый, и все со стэком ходил, как у нас в советских фильмах про концлагерь эсэсовцы изображались – и садится на другой стул, возле моего стола, а свои ноги в сапогах он кладет на мой стол, прямо на бумаги, перед моим носом. Посидел, посидел он так несколько минут, посвистел, а я все на него смотрю и жду, к чему это он. А он похлопал меня стэком по плечу и говорит: «Мальчик, пойдти принеси-ка мне пива!» Тут я просто не выдержал. Мальчика нашел, да я старше его лет на десять! Я сказал ему по-английски, что этого делать не буду, но он так нагло улыбается и снова: «Сбегай за пивом, мальчик!» Вот сука, я уже не на шутку разозлился. Это потом мне объяснили, что он, может, так со мной познакомиться хотел, что я ему просто понравился, ведь у них в Голландии там сплошные гомосеки, и даже браки однополые разрешены, но тогда я ни о чем таком не догадывался. Я ужасно разозлился, встал, подошел к нему поближе и послал его по-русски матом очень далеко. Удивительно, но он сразу все понял. Я хотел еще ему и по морде дать, но не успел, потому что он выскочил из каюты. А в ближайшем же порту меня списали на берег, выплатив мне мои положенные бабки, за вычетом тех, что они потратили на мой билет на самолет до Питера. Правда, мне сказали, что в Питере, в конторе, мне вернут деньги за билет. Но когда я домой прибыл и в контору за деньгами пришел, там сидел здоровенный чувак, который вытаращил на меня свои белесые голландские зенки и стал чего-то там лопотать, как будто он меня впервые в жизни видит. Ну, я повернулся и ушел. На фигу мне обосрались его голландские деньги. В общем, хоть и говорится, плавать «под флагом», вроде как все равно, под каким, но «флаги»-то, они тоже разные бывают.

СОБРАНИЕ

У нас тут в связи с перестройкой все чудачки просто с ума посходили, решили, что теперь они работать будут только за деньги, и платить им эти деньги должны регулярно. Причем деньги они все хотели получать большие, им теперь всем почему-то казалось, что зарплата у них очень маленькая. Вообще, сознание у них очень быстро изменилось в соответствии, как говорится, с духом времени. А раньше, помню, все пахали как карлики, и вахты стояли, и, если надо, могли товарища подменить, если товарищ был не в состоянии нести службу, так сказать, по состоянию здоровья. И права не качали – каждый за свое место держался и был доволен и счастлив, что плавает за границу, а не в каком-то вонючем портофлоте. Если же кто-нибудь залупаться на эту тему начинал, ему быстренько визу закрывали, и гуляй Вася – можешь плавать в портофлоте,

можешь катерок водить из Приморска до острова Западный Березовый, где располагается база нашего училища, а можешь и на суше найти себе занятие по душе.

Теперь же все как с цепи сорвались: чуть ли не каждую неделю собирают собрания и выступают, плотку дерут, требуют, то денег, то прибавки довольствия, то новую буфетчицу, до того договорились, что чуть ли не личная баба каждому бойцу в рейсе необходима.

И вот, помню, в очередной раз собрались все наши чудачки в актовом зале Паракетства и стали опять все по очереди выступать. Я обычно, вообще-то, раньше никогда собраний не пропускал – ни комсомольских, ни партийных, ни профсоюзных – поэтому этой привычки утратить еще не успел, и как приличный член общества отправился по зову наших профсоюзных лидеров на это собрание.

А на этом собрании опять начали выступать наши духи и триндеть о повышении зарплаты и о выплате всех задолженностей. А мне все это так обрыдло, что и сказать нельзя. Вообще-то, нас учили, что не деньги в жизни главное, и что человек трудится вовсе не ради материального достатка, а ради морального удовлетворения, ну и ради блага нашей страны, конечно. Ну, я и встал, вышел на сцену и все так подробно и изложил. Не то чтобы я люблю разные красивые слова, или считаю себя лучше других, но уж очень меня эти чудачки достали своим корыстолюбием и патологической жадностью, что я просто не смог сдержаться. Когда я все это говорил, в зале стояла просто гробовая тишина, все сидели и напряженно слушали. А когда я закончил и спустился со сцены, все как заорали, некоторые даже повскакивали с мест от возмущения, отовсюду слышались разные угрозы в мой адрес, так что мне даже стало несколько не по себе. Любой бы на моем месте испугался, особенно когда такие здоровенные костоломы, засучивая на ходу рукава, ко мне со всех сторон направились. К тому же, я не собирался вступать с ними в единоборство, устраивать, так сказать, коллективную драку, на радость нашей портовой милиции, поэтому я не стал возвращаться на свое место в зале, а быстрым шагом вышел оттуда и ушел домой. Позже мне передали, что мое выступление очень понравилось начальнику нашего Паракетства, и он на собрании меня горячо поддержал. Я, естественно, был очень этому рад.

Прошло пару месяцев. Мы должны были идти в рейс на Скандинавию. Это не так далеко, и рейс не тяжелый, поэтому я был в хорошем настроении. Правда, на судне наши чудачки как-то сквозь зубы со мной все разговаривали, я даже сразу не понял, что это с ними произошло, что это им в жопу заскочило. Я на это внимания особого не обратил и никакого значения не придал. Все шло своим чередом, мы отчалили, вышли в море, стоял полный штиль, поэтому можно было отдохнуть. Я лег в каюте на койку и почти сразу же вырубился. Проснулся я в шесть утра от какого-то неприятного ощущения, что у меня в каюте кто-то был. Я встал и осмотрел каюту – никого, только дверь открыта, но я подумал, что это я сам забыл ее закрыть, уж очень я тогда устал. Я опять лег давить и давил до восьми. В восемь я решил все же встать и сходить проверить, как там наш корабль плывет, или нет. Я стал искать на тумбочке свои часы, а у меня были очень хорошие дорогие часы «Роллекс» – я заплатил за них почти полторы тысячи баксов. Я очень ими гордился и всегда, когда с утра их надевал, у меня было хорошее настроение. Но часов на тумбочке я почему-то не обнаружил, хотя совершенно точно помнил, что вечером их туда положил. Я стал везде искать, обшарил всю каюту, и на палубе, и под койкой – ничего не было. Я решил, что их у меня ночью украли, когда я дверь открытой оставил, как последний лох. И я, проклиная все на свете, пошел в гальюн, отлить, и как раз, когда я расстегивал клапан, я случайно взглянул в унитаза и увидел, что там в воде плавают мои любимые часы, а я собираюсь прямо на них отлить. Я вытащил их оттуда и увидел, что они раздавлены. Очевидно, какая-то сволочь, прежде чем бросить их в гальюн, наступила на них каблуком. Мне их было очень жалко, я просто передать не могу, как у меня испортилось настроение.

Правда, потом знающие люди мне сказали, что иногда и люди темными ночами исчезали за бортом в кильватерной струе, и потом их никто найти не мог, и никто из команды ничего не видел и не слышал. Так что я задним числом даже порадовался, что дешево отделался. Очевидно, наши чудачки оказались слишком впечатлительные и так и не смогли забыть моего выступления на профсоюзном собрании, ведь они ради бабок все что угодно сделают, и никаких больше в жизни ценностей у них не существует.

КАССИРША

По правде говоря, я никогда не понимал, почему так бабы к морякам липнут. Ну, раньше, еще куда ни шло, моряки доступ за бугор имели, бабки заколачивали, шмотки разные импортные доставали... Я когда учился в системе, то две девицы во время вечера на двадцать третье февраля в женском гальюне друг дружке чуть глаза не выцарапали, пришлось сотрудников милиции вызывать, и все из-за какого-то чудачка с третьего курса. Но теперь-то, когда наши духи зарплату месяцами не получают, а за границу все кому не лень ездить могут, были бы деньги... Непонятно! Лично я, когда какого-нибудь духа в тельнике на улице встречаю, то сразу на другую сторону перехожу, так, на всякий случай. Я-то эту братию хорошо знаю. Ну, а бабам этого, видно, все равно не объяснишь.

Помню, когда я плавал четвертым, в мои обязанности входила выдача зарплаты команде. Я должен был работать кассиром, потому что так полагается четвертому помощнику на судне. И я, естественно, со всей ответственностью относился к этой работе, потому что деньги такое дело, которое требует очень большого внимания. Если, к примеру, я выдам бойцу лишний рубль, то потом этот рубль из моей личной зарплаты вычтут. Поэтому дни зарплаты всегда были для меня самыми напряженными. Ко мне выстраивалась очередь чудачков, а я сидел в каюте и принимал их по одному. Но перед этим я должен был отправляться в Паракетство и там в бухгалтерии получать мешок бабок у крашенных чувих, которые там сидели и этими бабками распорядились. Я обычно на этих мочалок внимания вообще не обращал и старался говорить с ними как можно меньше, потому что у них мозгов очень мало, а если и есть, то находятся они у них между ног, а уж там их искать у меня никакого желания не возникало. Я протягивал им свои бумаги, где было все подробно указано, так что даже они все понимали, и объяснять ничего было не нужно.

Но однажды я обратил внимание, что там появилась какая-то новая бабенка, уже не первой молодости, бальзаковского, так сказать, возраста, которая стала уделять мне повышенное внимание, то есть бумаги она даже и не взяла, а сразу же стала пытаться завязать со мной занимательную беседу: как меня зовут, на каком корабле плаваю, и так далее. Короче говоря, «какого парень года, с какого парохода, и на каких морях отсасывал, моряк!» У меня же ни малейшего желания с ней беседовать не было, я устал, и хотел поскорее забрать эти чертовы бабки и отвезти их на судно, где наши бойцы уже дергали жопами в ожидании законно заработанного. Но она была настроена игриво и все заглядывала мне в глаза и пыталась подойти поближе. Тогда я так холодно отстранился и сухо ей говорю: «Гражданка, пожалуйста, выдайте мне зарплату на команду, а остальное вас вообще не касается». Тогда она, видимо, ущемилась и заявила мне, что я мог бы и пораньше прийти, потому что у них конец рабочего дня и через пятнадцать минут она имеет право уже идти, куда захочет, заниматься, как она выразилась, «своими личными делами». На что я ей вполне обоснованно ответил: «Поскольку вы имеете право заниматься своими личными делами через пятнадцать минут, то за эти пятнадцать минут, будьте любезны, выдайте мне зарплату на команду, а потом пиздуйте по холодку». Она, естественно, еще больше обиделась и говорит мне: «Вы, молодой человек, какой-то странный. Я таких, как вы, уже встречала – вас, наверное, там, на корабле, какой-нибудь приятель дожидается...» Ну, думаю, достала, сука, ладно, я тебе сейчас покажу. А она тем временем так небрежно, не спеша, открывает сейф, достает оттуда мешок с деньгами и швыряет прямо передо мной так, что этот мешок чуть ли мне в рожу не попал. Я совсем разозлился и говорю: «Будьте любезны, разговаривайте со мной повежливей, а то я на вас напишу докладную куда следует, и вы на этом месте больше работать не будете». Она же мне отвечает так по-хамски: «Ну и напугал, пидор вонючий!» Тогда я открываю этот мешок, достаю оттуда пачки денег и говорю: «Будьте добры, девушка, дайте мне стул, мне нужно проверить, соответствует ли эта сумма той, которую я должен получить на команду». Обычно я, вообще-то, никогда так не делал, всегда пересчитывал только пачки, потому что все деньги пересчитывать – это просто устать можно, но на сей раз она достала меня не на шутку. Я заметил, как она побледнела и говорит мне уже заискивающе: «Зачем вам пересчитывать деньги, тут и так все точно, ведь все пачки в банке сформированы, и на каждой стоит печать и точная сумма». Но я был неумолим – сел и начал все эти пачки распечатывать, методично все пересчитывая. А она то бледнеет, то краснеет, бегаёт вокруг меня, и все бормочет: «Ведь у меня уже рабочий день кончился, вы что, издеваетесь надо мной, что ли?» Я же ей отвечаю: «У вас, может, рабочий день и закончился, а вот у меня он в самом разгаре. И я, как материально ответственное лицо, обязан все тщательно проверить».

Вот так я и сидел и считал эти деньги, наверное, часа три, не меньше. Она сперва бегала по комнате, потом уселась напротив меня и уставилась прямо мне в лицо, видимо, думала таким

образом меня вывести из равновесия. Но мне было совершенно плевать на эти ухищрения – в конце концов, деньги пересчитывать моя обязанность. Когда я закончил подсчет и аккуратно сложил все деньги в мешок, а мешок уложил в свой дипломат, эта баба стала как шелковая и даже попрощалась со мной очень вежливо: «До свиданья, молодой человек, будем всегда рады вас видеть!» Я в этом и не сомневался.

ДИКАРИ

Питер – город северный, но так уж получилось, что вообще-то, я в северных морях редко ходил – все больше в южных. Хотя несколько раз пришлось мне побывать и в северных морях, и воспоминания об этих рейсах у меня сохранились, мягко говоря, не самые приятные. Правда, еще до развала нашего Паракетства, когда хоть какой-то порядок сохранялся, все это можно было выносить, потому что нам старались создать условия для нормальной работы. А вот в последний раз, когда мы из Питера выходили, был еще сентябрь, довольно тепло, и одет я был достаточно легко. Ну, я, конечно, прихватил с собой пару свитеров и шерстяные носки, точнее, мне их маманя всучила, и шапочку вязаную, менингитку. Вышли мы в море. Пока в Балтике шли, еще ничего: ветерок, конечно, и температура где-то около нуля, а так вполне терпимо, я в одном бушлате, даже свитер не надеваю, и так нормально. А на следующее утро просыпаюсь, выхожу на палубу и вижу: все снасти обледенели, ветер в них свищет, и метет такую снежную крупу, что я и минуты там не выдержал и сразу же пошел свитер и носки на себя надевать. Но это мне не сильно помогло, потому что, как оказалось, на судне отопление не работало – вышло из строя – а старпом перед выходом забыл его починить по причине что ни на есть самой тривиальной: нажрался и лежал в бессознательном состоянии у себя в каюте на койке. Вся команда ходит и матерится, ну и пьют, естественно, как же иначе тут согреться, ведь даже с горячей водой, оказалось, проблемы, и чайку не вскипятить, и не помыться. Откроешь кран – а оттуда ледяная вода течет. Я попытался со старпомом на эту тему поговорить, а он меня заплетающимся языком на три советских буквы послал и ушел в свою каюту дальше квасить. Я, честно говоря, такого не ожидал, хотя и знал, что сейчас законов никаких нет, полная анархия и жаловаться некому, так что говори сколько хочешь – никого ничем не прошибешь. Короче говоря, я весь рейс спал, не раздеваясь: в тулупе и в валенках, которые мне боцманман выдал. У меня в каюте, кстати, было минус пять градусов, и утром у меня изо рта шел пар. Некоторые наши бойцы спали по двое – кто с кем, кто со старыми друзьями, корешами, так сказать, ну а кто – уже безо всякого выбора, лишь бы от холода не околеть, просто во имя жизни на земле. Но я не хотел до такого опускаться, я предпочитал терпеть и спал в одиночестве.

Так что, сами понимаете, как я был рад, когда через некоторое время мне из нашей конторы позвонили и предложили рейс в Африку, да еще в качестве старпома. Я обрадовался, потому что мне уже было просто достаточно одного сознания того, что в Африке всегда тепло.

Пришел я на судно, познакомился с капитаном, с командой – все в порядке, все трезвые, в отглаженной форме, и на судне чисто, во всяком случае, чище, чем обычно. Ну, думаю, хоть на этот раз мне повезло. И в рейсе никто особо не пил, не то чтобы все были трезвые как стекло, но вежливые и друг с другом приветливо разговаривали. Просто такой коллектив подобрался, ведь, в сущности, очень многое от капитана зависит. И кормили сносно, кок был просто на высоте, и убирали в каютах регулярно, и даже кино крутили раз в неделю. Судно шло под либерийским «флагом», а везли мы контейнеры с автомобилями «Жигули». Погода тоже поначалу стояла просто замечательная – на небе ни облачка – в общем, не рейс, а заграничный круиз.

Но в море никогда ни в чем нельзя быть уверенным. К концу третьего дня небо потемнело, море заволновалось, налетел жуткий ураган, пришлось нам побегать по палубе под оглушительный вой ветра... Но шторм на море – дело привычное, да и продолжался он недолго, часов пять, и море вскоре утихло. Дальше до самого Бьюкенена все шло без приключений. Пришли мы в пункт конечного назначения. Таможня. Разгрузка. Все, как обычно. Мастер пошел бумаги в контору оформлять, и чего-то его дольше обычного там держали, уже темнеть начало, а его все нет, мы уже волноваться стали. Наконец он вернулся на борт, немного расстроенный, оказывается, по накладным одного контейнера при разгрузке не досчитались. Видно, его во

время шторма волной смыло, плохо закреплен, наверное, был. А мы как-то сразу этого и не заметили, уж больно все гладко шло, а это тоже расслабляет. Ну ничего, все вроде утряслось, ведь груз на случай такой оказии страхуется, так что потребители в накладе не остаются. Хотя неприятно конечно, волнения лишние, но если все правильно оформить и засвидетельствовать, то проблем быть не должно. В общем, собрались мы вскоре отчаливать к своим родным северным берегам, встали пораньше, пока еще не так жарко, потому что жара в этих краях может достать не хуже, чем холод на севере, если, конечно, там подольше находиться.

И вдруг я вижу: идет к нашему судну лодка, типа каноэ – ее как-то сразу никто и не заметил – лодка вся разукрашенная, а на веслах сидят настоящие дикари в перьях и с кольцами в ноздрях и в ушах. На носу стоит, гордо сложив руки на груди, человек в меховом переднике, на груди у него нарисованы красной, белой и желтой краской какие-то загадочные знаки, и он смотрит прямо перед собой ничего не выражающими глазами. В общем, все как в доисторические времена или фильмах про дикарей. Зато вдоль бортов, в полном соответствии с духом нашего сурового времени, стоят четыре здоровенных негра в камуфляже и с автоматами наперевес. Я на капитана посмотрел, тот тоже ничего понять не может и оглядывается по сторонам в полном недоумении и растерянности. Тем временем эти дикари поднимаются к нам на борт, их вождь напрямик направляется к мастеру и заталкивает его в каюту, оставляя у его дверей своих автоматчиков. Я внимательно посмотрел в глаза этому чуваку, когда он мимо меня проходил, и отметил, что он, наверное, чего-то такого накурился или наелся, потому что вид у него был совершенно отъехавший. А пока они там с капитаном, запершись в каюте, что-то энергично обсуждали, меня вдруг осенило, то есть я вдруг ясно понял, зачем это чудо в перьях к нам на наш белоснежный лайнер пожаловало. Я вспомнил, что подобную историю я уже видел пару лет назад по ящику, тогда контейнер с одного нашего судна «под флагом» тоже вроде как волной смыло, только в прибрежных водах Индийского океана. Не помню, был тогда груз застрахован или нет, только местный азиатский царек, которому этот груз предназначался, продержал в плену команду полгода, а капитана и второго помощника, вроде, не отпустил и до сих пор, требуя компенсацию в сто пятьдесят тысяч баксов. У нас, естественно, таких денег тоже не было, даже если бы этот чудик потребовал в три раза меньше. Когда я все это вспомнил, мне сразу сильно погрузтело. Но тут дверь каюты распахнулась, и на палубе появился вождь, капитан и наш докторишка, который обычно в подобных случаях выполняет роль переводчика с английского, а ниггер, несмотря на свой дикий вид, вполне сносно изъяснялся на этом языке. Негр что-то громко прокричал своим людям на сей раз уже на своем, непонятном окружающим наречии, те сразу же все спустились по трапу на свою лодку, вождь последовал за ними, кивнув на прощание капитану и, как мне показалось, вполне дружелюбно. Каноэ сразу же тронулось в направлении к берегу, а мы все остались стоять на палубе в полном недоумении.

Оказалось, что эти жутики заявили к нам на судно не совсем по тому поводу, что я думал: судьба контейнера с тачкой, сошедшей с конвейера нашего славного волжского автозавода, их волновала мало. Просто один наш чудачок, зайдя во время стоянки в местный кабак, отказался уединиться с чернокожей бабой, которую он принял за проститутку. Ведь он же не обязан сразу прыгать на каждую бабу, которая к нему пристает – он вполне свободен сделать выбор самостоятельно, не говоря уже о СПИДе, который на африканском континенте давно уже принял размах эпидемии. Но потом выяснилось, что это одна из жен негритянского вождя, того самого, что приехал к нам на разборки, и что он таким экзотическим образом хотел выразить свою благосклонность к нашему судну и, соответственно, экипажу. У них, оказывается, принято предлагать своих жен в качестве подношения, и никто еще в такой грубой форме от этого не отказывался. Вождь, естественно, почувствовал себя оскорбленным и униженным и приехал выразить нам свое негодование. Мастеру, правда, удалось с ним все по-хорошему уладить – у него как раз был запас старых рублей, которые у нас в стране уже никакой ценности собой не представляли, и он в качестве компенсации за моральный ущерб дал ему несколько увесистых пачек этих деревянных, а жене его, чтобы утешить, передал шоколадку. Вождь остался очень доволен, и расстались они, можно сказать, друзьями. К тому же, этого бойца капитан обещал ниггеру примерно наказать, чего, естественно, не сделал. Но лично я думаю, что если бы он его даже и наказал, это все равно было бы для него лучше, чем подцепить СПИД или даже сифак.

НА ПАЛУБЕ

Мы вышли тогда из Ленинграда в Вентспилс, погода стояла хорошая, штиль почти полный, а я был свободен, сдал вахту и мог делать, что хочу. Я хотел было пойти спать, но когда вышел на палубу – смотрю, небо такое синее, солнышко светит и чайки летают. Хотя нельзя сказать, чтобы я этих хищных тварей особенно любил. Раньше я к ним неплохо относился, но однажды мне боцманман рассказал, что во время войны, когда наши моряки плавали, оглушенные взрывом на волнах, пытаясь спастись с тонущего судна в спасательных поясах, эти чайки у них глаза выклевывали, и если даже моряка потом спасали, он оставался слепым на всю жизнь. Когда я об этом узнал, то этих чаек просто возненавидел, с тех пор я их видеть спокойно не могу, мне противно. Но в тот день я даже забыл про свое к ним отвращение, и никаких отрицательных эмоций они у меня не вызывали. Я думал только о том, что скоро мы придем в Вентспилс, а там я пересяду на большой сухогруз, и мы пойдем в Кейптаун, рейс довольно выгодный, поэтому у меня было хорошее настроение. Я даже забыл про нашего капитана, который меня жутко раздражал своим внешним видом и своей рожей: он все время был пьяный и грязный, и на лице его были две такие симметрично расположенные бородавки, которые двигались, когда он начинал говорить. Ну а когда он жрал, то, вообще, лучше было подальше от него садиться, потому что, стоило взглянуть на его рожу, как весь аппетит сразу пропадал, не считая того, что он чавкал, как свинья. Он как раз находился в рубке, и мне даже показалось, что я увидел в иллюминаторе его жирную харю. Он, наверное, за мной наблюдал – не знаю, зачем ему это было нужно, наверное так, на всякий случай. Он же должен был о каждом члене команды составить определенное представление и занести его в досье, поэтому ему всякое наблюдение могло пригодиться. Но я об этом даже и не думал, а может он и не на меня вовсе смотрел, а просто высунулся полюбоваться, помечтать, так сказать. Кто его знает, может, человеку просто взгрустнулось без семьи и детей, вдали от дома.

Я же неторопливо прогуливался по надстройке и посматривал по сторонам. И тут вдруг я почувствовал, как моя левая нога скользит куда-то вперед и вбок, и я теряю равновесие, наверное, со стороны это выглядело смешно, как будто я внезапно потерял ориентацию в пространстве и хватаюсь руками за воздух. Почти так оно буквально и произошло. Я чуть не упал, но все же не упал, в последний момент мне удалось зацепиться за ограждение. А палуба была чистая, ее только что вымыл вахтенный матрос, там не было никаких предметов, на которых я мог бы поскользнуться. Я посмотрел вниз и увидел как раз под моим левым ботинком какой-то желтый плевок. Кто-то харкнул на палубу прямо посередине своей заразной слюной и не подумал о возможных последствиях этого поступка. Естественно, все наши духи харкаются, так сказать, рефлексивно, у них нет при этом никаких мыслей ни на какую тему, просто харкнул и пошел себе дальше. Может, даже тот же вахтенный матрос, который только что палубу мыл, харкнул. Создается такое впечатление, что ему в буквальном смысле совершенно плевать на свою собственную работу. Потому что я не знаю, кто еще мог это сделать, никто в такой ранний час по палубе больше не гулял. А мог бы сделать два шага вбок и харкнуть за борт, ведь это же совершенно не сложно. Но ему даже и эти два шага сделать лень, хотя, скорее всего, он на эту тему просто не задумывается.

Я хотел подойти к этому матросу и сделать ему выговор, а потом передумал. Что толку с этими людьми говорить? В матросы ведь нормальный человек в наши дни не пойдет, а идут по большей части те, у которых две извилины, да и те в заднице.

ПАРОХОД И ЧЕЛОВЕК

"Мы живем, чтоб умирая, воплотиться в пароходы, книги и другие добрые дела!" Знал я одного такого деятеля, он был довольно известный капитан, его очень любили и ценили в верхах, потому что у него было крепкое здоровье, и он все время пил с разными там шишками из обкомов и горкомов. Поэтому он считался лучшим капитаном пароходства, и его фотография висела на доске почета. Там он, кажется, запечатлелся трезвый, хотя точно неизвестно, какая-то

у него загадочная улыбка на лице была, как у Моны Лизы. А в рейсе он вообще не просыхал — это мне один чудачок рассказывал, который долгое время с ним ходил. А кроме пьянства, он был любителем лихой езды: напьется до чертиков, сядет за руль — и давай гонять по городу, только столбы мелькают. В основном делал он это, к счастью, по ночам, но однажды случился у него прокол.

Он, как всегда, был пьяный, и ему надо было ехать на дачу и везти туда свою жену. А жена была дочкой одного начальника из обкома, может именно благодаря ей он и капитаном стал так быстро, они поженились еще когда он в училище учился. Машина у него была с прицепом, с таким трейлером, он его себе за границей по случаю купил. Вообще тогда всем морячкам, а капитанам тем более приходилось с этим быть осторожными: чуть что — и на тебя могли капнуть, что ты, мол, машины за границей покупаешь, и вообще буржуазный образ жизни тебя увлекает. Но у Павлова и тут, кажется, все было схвачено, даже "серые" к нему не цеплялись. И он катался на заграничной машине с заграничным прицепом. Ну вот, и поехал он на дачу со своей женой. А тогда была пятница, вечер, и все устремились за город, на трассе было много машин. А он привык гонять со скоростью света, ну и погнался. И когда он обгонял КАМАЗ, тот стал прижимать его к обочине и не давал ему пройти на обгон. А на встречной полосе уже появился грузовик. И он стал лихорадочно выкручивать и въехал левым бортом в какой-то там трактор. Его жена сидела на переднем сиденье, рядом с ним, ну и ее, естественно, всмятку. После того, как он угробил жену, у него осталось двое детей, и он был вынужден жить с тещей, потому что жениться снова он не мог — тесть был против и тогда лишился бы его расположения, и его карьере пришел бы конец. А за детьми должен был кто-то смотреть, вот и пришлось ему поселиться с родителями жены.

В общем, его жизнь превратилась в сплошной мрак. Он, конечно, в основном был в рейсе, но ведь иногда и домой приходилось возвращаться, на отдых, так сказать. И тут он продолжал квасить и кататься с ветерком. И вот как-то он, как обычно, нажрался, уселся за руль и поехал к одному своему знакомому за город, на дачу. В сентябре это было, он за грибами намылился и очень торопился, а то еще грибов не достанется. Подъезжая к железнодорожному поезду, он заметил, что приближается электричка, и хотел проскочить перед ней, как раз ему представился случай доказать самому себе, какой он лихой водитель. А шлагбаум уже начал закрываться. И он на полной скорости влетел под этот шлагбаум. Естественно, ему снесло вместе с крышей автомобиля этим шлагбаумом полчерепушки, и он так и покатился дальше в своей тачке без головы.

Хоронили его в закрытом гробу, потому что отреставрировать его не удалось, хотя предлагали большие деньги тем, кто этим в морге занимается. Но не получилось. А потом, по просьбе его коллег по работе и трудящихся порта новое судно было названо его именем, для увековечения, так сказать, его памяти. Вот я на нем долго плавал. Хороший пароход, сухогруз с горизонтальным способом погрузки, тоже "Андрей Павлов" называется.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Известно, что на флоте издавна существует неясный запрет на присутствие женщин на военных кораблях или торговых судах. Но, пожалуй, еще более строгое, хотя и менее очевидное табу наложено на морскую тематику в произведениях женщин-писательниц. С этой точки зрения уже само появление на свет книги «Морских рассказов» Маруси Климовой, вероятно, должно если не шокировать, то озадачить читателя. И тем не менее, обращение Маруси к теме моря и моряков кажется мне вовсе не случайным.

Во-первых, женщины всегда были равнодушны к морю и к морякам.

Во-вторых, это уже не первое обращение Маруси Климовой к этой теме, ибо она известна еще и как переводчица знаменитого романа Жана Жене «Кэрель».

И наконец, писательница живет в Петербурге, «городе морской славы». Впрочем, далеко не все жившие в Петербурге русские писатели обращали внимание на этот факт. Достаточно вспомнить «душный» Петербург «Преступления и наказания». Не ощущается «дуновения» свежего балтийского ветра и в «Петербургских повестях» Гоголя. Иное дело, Блок... Впрочем,

великая русская проза XIX века вообще оставила эту тему у себя «за бортом», исключение составляет разве что Гончаров. Любопытно, что и на уровне архетипов во французском (родном языке Жана Жене) слово «mer» (море) является звуковым омонимом слова «mère» (мать), в России же «мать» хотя и «сыра», но «земля». Не случайно и герои Марусиных рассказов, уходя в море, идут не просто «в море», а «в заграничку», т.е. за границы родины. Но оставим в покое психоанализ – о воде и морской стихии там сказано более чем достаточно... Как бы там ни было, но парадоксальность «Морских рассказов» Маруси Климовой заключается в том, что они не столько продолжают петербургскую традицию русской прозы, сколько восполняют существующий в ней пробел.

Во всех рассказах повествование ведется от мужского лица, что позволяет автору-женщине дистанцироваться от позиции рассказчика и делает «Морские рассказы» чем-то вроде современных «Повестей Белкина». Рассказы производят комический эффект, да и само ее название, отсылающее к одноименной книге Бориса Житкова, сразу же вызывает невольную улыбку, однако это вовсе не очередная постмодернистская пародия «Морские рассказы– 2». Борис Житков писал для детей о суровой жизни взрослых. О такой же «суровой жизни взрослых» писали, в сущности, и Пикуль, и Конецкий. Маруся же Климова пишет для взрослых, другое дело, что ее персонажи порой напоминают детей.

События, описываемые в книге, происходят в доперестроечные, перестроечные и постперестроечные времена, то есть в момент крушения устоявшихся форм жизни и идеологий. Однако по своему содержанию «Морские рассказы» меньше всего являются обличением царящих на флоте нравов или общего упадка, в который этот флот пришел в наши дни... Смысл их, видимо, в другом, хотя ухватить его не так просто, он ускользает и отклоняется то в одну, то в другую сторону, почти как палуба под ногами моряка во время шторма. Например, главный герой (он же рассказчик), помощник капитана (будущий капитан), по долгу службы отвечающий за порядок на судне, вовсе не всегда кажется положительным носителем здравого смысла среди безответственных шизофреников и алкашей, иногда он напоминает сражающегося с ветряными мельницами Дон-Кихота, а порой – и просто параноика среди нормальных здоровых людей.

Разгадку смысла этих рассказов следует искать в том, что Маруся Климова – писатель в высшей степени традиционный, в самом что ни на есть глубоком смысле этого слова. В том смысле, в каком, например, традиционным является и занятие мореплаванием, ибо моряк, оказавшийся один на один с разбушевавшейся морской стихией, хотя бы на время вынужден забыть о своих политических и партийных пристрастиях и вернуться к своему традиционному ремеслу. Именно поэтому, видимо, флот при любом социальном устройстве в любом обществе всегда являлся наиболее консервативной его частью. С этой точки зрения любая критика флота с идейных или там нравственных позиций всегда кажется несколько наивной, ведь флот – это нечто большее, чем Советский Союз с его семидесятилетней историей или даже Россия с ее тысячелетней историей. То же самое можно сказать и о литературе. Подлинный кризис в обществе начинается не тогда, когда рушится его идеология, а тогда, когда капитан бросает штурвал, а поэт перестает быть поэтом. Поэтому, видимо, писательница и отправляется в беспокойное море, ибо только там можно увидеть и осознать то, что скрывается от взгляда обычных женщин, да и обычных людей вообще.

ВЯЧЕСЛАВ КОНДРАТОВИЧ